

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

INSPIRIA

КОГДА ЗВЕЗДЫ ЧЕРНЕЮТ

Никто не придет спасти меня.
Никто никого не может спасти, хотя когда-то я думала иначе.
У меня есть я, и только я. И никого больше...

ПОЛА МАКЛЕЙН

INSPIRIA

Ток. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер

Пола Маклейн

Когда звезды чернеют

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Маклейн П.

Когда звезды чернеют / П. Маклейн — «Эксмо», 2021 — (Ток. Urmarket Crime Fiction. Больше чем триллер)

ISBN 978-5-04-180107-6

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES. ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ ГОДА ПО ВЕРСИИ MARIE CLAIRE. Анна Харт — детектив-специалист по поиску пропавших детей. Недавно ее жизнь расколола страшная трагедия. В попытке сбежать от переживаний, Анна возвращается в Мендосино — небольшой городок на побережье Северной Калифорнии, где прошло ее детство. И узнает, что буквально на днях пропала без вести местная девочка-подросток. Точно так же двенадцать лет назад пропала подруга Анны — Дженни. Тогда похититель увез девочку с автобусной остановки, а через некоторое время в ручье отыскали ее труп. Убийцу так и не нашли. Когда прошлое и настоящее сталкиваются, Анна понимает, что сама судьба привела ее в Мендосино: жизнь отлично научила ее разбираться в психологии хищников и жертв. Но чем дольше она занимается поисками, тем сильнее это походит на одержимость... Пола Маклейн искусно сплетает реальные похищения, теорию травм и метафизику, получая захватывающую историю о том, как простить самого себя. «Душераздирающий финал, которого жаждут поклонники триллеров... Книга, наполненная тьмой и надеждой». — The New York Times Book Review «Атмосферный роман с замысловатым сюжетом». — The Washington Post «Пола Маклейн создала ранимую, умную, незабываемую главную героиню, внутренняя жизнь которой так же интересна, как и тайны, которые ей предстоит разгадать. Это моя любимая книга. Я буду рекомендовать ее всем и каждому». — Лиз Мур, автор бестселлера «Алая река» «Лирично и красиво... Захватывающее глубокое погружение в травму, выживание и одержимость. Неотразимая героиня, элегантный слог и многослойный, извилистый сюжет. Пола Маклейн написала экстраординарный роман, столь же захватывающий, сколь и уникальный. Незабываемо». — Лиза Ангер, автор бестселлера «Экспресс на 19:45» «Извилистый сюжет и поэтическая проза увлекают за собой, превращая историю не только в

захватывающий психологический триллер, но и в крайм фикшен высшего порядка». — Лиза Скоттолайн «Прекрасно написанный литературный триллер с необыкновенной, незабываемой героиней. Роман, преисполненный великой печали и великой красоты». — Кристин Ханна «Пола Маклейн взрывается романом с чрезвычайно трогательной тайной — призрачной, пронзительной, лирической, сочной». — Крис Павон «Фантастически прописанный и глубоко атмосферный, этот роман захватывает вас с самой первой страницы. Пола Маклейн доказала, что является мастерским рассказчиком независимо от жанра». — Эйми Моллой

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-180107-6

© Маклейн П., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пола Маклейн	6
Пролог	9
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	40
Часть II	42
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	47
Глава 16	49
Глава 17	52
Глава 18	55
Глава 19	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Пола Маклейн

Когда звезды чернеют

© 2021 by Paula McLain

Maps copyright © 2021 by David Lindroth Inc.

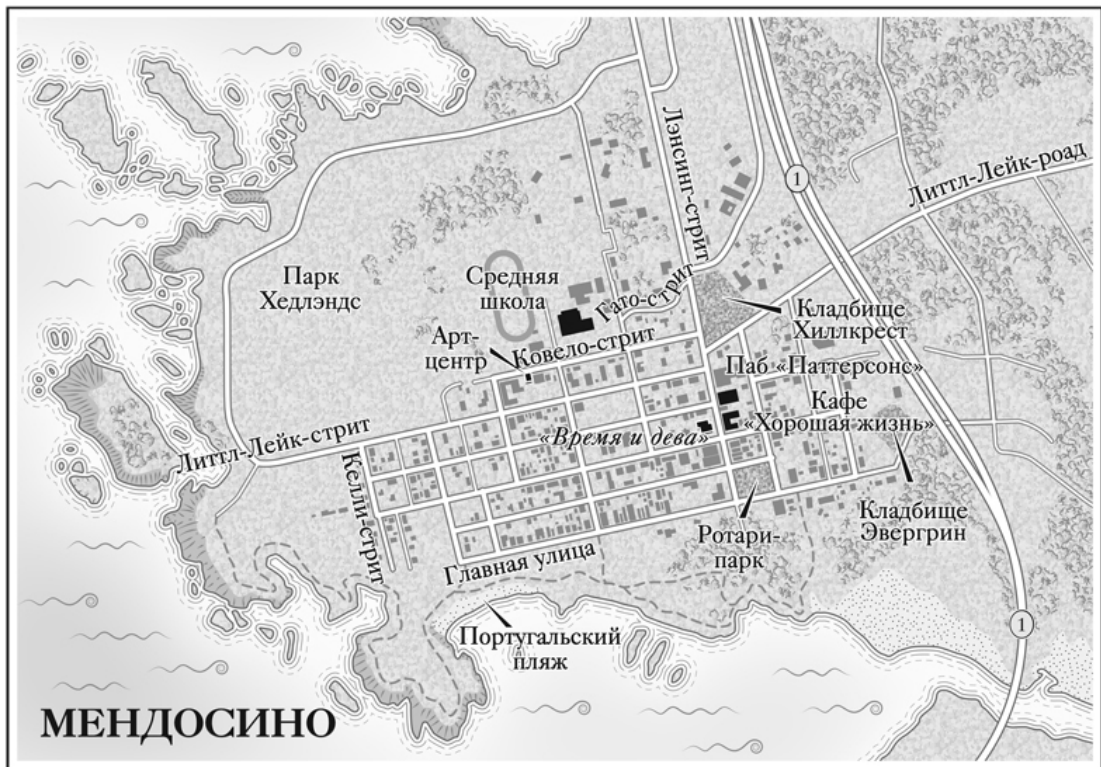
© Посецельский А.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Лори Кин, бывшей с самого начала,
пока я грезила об этой мечте*

Эта книга является вымыслом. Все характеры, события и диалоги являются плодом авторского воображения или используются как выдуманные. Любые совпадения с действительными событиями или личностями, живыми или умершими, абсолютно случайны.

Вот он, мир.

*В нем случится прекрасное и ужасное.
Не бойся.*
Фредерик Бикнер

Пролог

Мать, которая порвала на себе платье, когда в дом с новостями пришла полиция, а потом выбежала на улицу в одних туфлях, пока соседи, даже те, кто хорошо ее знал, прятались за дверями и окнами, перепуганные ее скорбью.

Мать, которая стискивала сумочку дочери, пока «скорая» уносилась вдаль. Сумочка, белая с розовым, в форме пуделя, была испачкана кровью.

Мать, которая начала готовить для детективов и соседа-священника, пока те пытались объяснить ей, что случилось. Натертые руки строгают лук, перемывали посуду в обжигающей воде. Никто не мог усадить ее. Сесть – согласиться, что она знает. Признать. Принять.

Мать, которая вышла из морга, опознав тело своего ребенка, и пошла через действующий путь метро. Разряд отбросил ее на шесть метров; кончики пальцев, через которые прошел ток, дымились, губы почернели. Но она выжила.

Мать, которая ждала известий, как ждут ледники у полюса: застывшая, неподвижная, полуживая.

Мать, которой я была в тот июльский день. Стоящая на коленях, пока медик из «скорой» пытался достучаться до меня: словами, предложениями, моим именем. «Детектив Харт», – раз за разом повторял он, пока мой разум задышался, схлопывался. Как будто та личность все еще могла существовать.

Часть I

Знаки и призраки

Глава 1

Ночь будто крошится, когда я покидаю город: туман в пробоинах, комковатое сентябрьское небо. Потреро-хилл у меня за спиной – полоса мертвого пляжа. Весь Сан-Франциско в беспамятстве или забвении. Над полосой облаков поднимается зловещая желтая сфера. Это луна, огромная, надутая, цвета лимонада. Я не могу оторваться от нее, пока она катится все выше и выше, пропитанная белизной, как язва. Или как дверь, освещенная чистой болью.

Никто не придет спасти меня. Никто не может никого спасти, хотя раньше я верила совсем в другое. Я верила во множество разных вещей, но сейчас вижу, что единственный путь вперед – начать с пустоты или даже меньшего, чем простая пустота. У меня есть только я. У меня есть дорога и дрожащий туман. У меня есть эта измученная луна.

Я еду, пока не заканчиваются знакомые места. Пока не перестаю поглядывать в зеркало, выискивая погоню. «Трэвелодж» заткнут за парковку огромного универмага, пустую и освещенную. Будто ночной бассейн, где нет ни единого человека. Когда я звоню, ночной менеджер шуршит чем-то в задней комнате, потом бодро выходит, вытирая руки о яркое хлопковое платье.

– Как у вас дела? – спрашивает она. Самый невинный вопрос в мире, но на него невозможно ответить.

– Отлично.

Она протягивает регистрационную карточку и сиреневую ручку. Складки кожи под мышкой разворачиваются, как крыло. Я чувствую, как менеджер разглядывает мое лицо, мои волосы. Она следит за моей рукой, читает вверх ногами.

– Анна Луиза Харг. Какое милое имя...

– Что?

– Вы так не думаете, золотце? – в ее голосе слышатся Карибы. Теплые, богатые нотки, от которых мне кажется, что она зовет «золотцем» всех.

Трудно не вздрагивать от ее доброты. Трудно стоять в зеленоватом свете лампочки и переписывать на карточку номер машины. Говорить с ней, будто мы просто два человека, живущие без единой печали.

Менеджер наконец-то отдает мне ключ, и я иду в свою комнату, с облегчением закрывая за собой дверь. Внутри – кровать, лампа и один из этих странных складных стульев, на которые никто никогда не садится. Скучный свет сплющивает все предметы в тусклые прямоугольники: безвкусный ковер, пластиковые на вид простыни, занавеску, у которой не хватает крючков.

Я ставлю сумку на середину кровати, достаю свой «Глок 19» и засовываю его под жесткую подушку, обнадеженная его близостью, будто рядом сидит старый друг. Наверное, так оно и есть. Потом хватаю смену одежды и иду в душ. Стараюсь не смотреть в зеркало, пока раздеваюсь, кроме одного взгляда на груди, которые затвердели, как каменные. Правой больно касаться, сосок окружают розовые волдыри. Включаю горячую воду на полную и стою под ней, варясь заживо. Но облегчение не приходит.

Когда вылезая, сую салфетку под кран, а потом засовываю в микроволновку и держу, пока она не начинает пáрить. Жар, как от вулкана, но я крепко прижимаю ее к себе, обжигая руки, и сгибаюсь над унитазом, все еще голая. Складки кожи на талии ощущаются резиновыми и мягкими, как сдувшийся спасательный плот.

С влажными волосами иду в круглосуточную аптеку, покупаю эластичный бинт и молокоотсос, пакеты с герметичной застежкой и литровую бутылку дешевого мексиканского пива. В аптеке есть только ручной отсос, неудобный и отнимающий много времени. В моей комнате тяжелый древний телевизор. Я отсасываю молоко под звуки испанской мыльной оперы, стараясь отвлечься от ноющей боли. Актеры утрированно жестикулируют и гримасничают, признаются в чем-то друг другу, пока я занимаюсь сначала одной грудью, потом другой, дважды заполняя емкость, а потом сливая молоко в пакеты, которые помечаю: «21/9/93».

Я знаю, его следует вылить, но не могу заставить себя. Вместо этого долго держу пакеты в руках, отпечатывая в себе их смысл, потом засовываю в морозилку и закрываю дверцу. Мелькает мысль об уборщице, которая найдет их, или каком-нибудь дальнобойщике, который полезет за льдом и передернется от отвращения. Это молоко говорит о грязной истории, хотя я не могу представить себе незнакомца, способного разгадать сюжет. Я с трудом понимаю его сама, а ведь я – главный персонаж; я пишу эту историю.

Перед рассветом просыпаюсь в лихорадке и принимаю слишком много «Адвила»¹, чувствуя, как капсулы царапают и скребут горло. Под картинкой на экране телевизора бежит заголовок срочных новостей.

Сорок семь погибших в Биг-Байу, Алабама. Наибольшее число жертв за всю историю компании «Амтрак»

Где-то посреди ночи буксир на реке Мобайл сбился с курса в густом тумане и зацепил баржой мост Биг-Байу-Кэнон, сместив пролет моста вместе с рельсами на три фута². Через восемь минут, строго по расписанию, поезд «Сансет-Лимитед», следующий из Лос-Анджелеса в Майами, влетел в излом на скорости 112 километров в час, срезав первые три вагона, обрушив мост и расколов цистерну с горючим. «Амтрак» заявляет о халатности капитана буксира. Несколько членов команды не найдены, восстановительные работы продолжаются. Президент Клинтон должен прибыть на место катастрофы ближе к вечеру...

Я выключила телевизор, желая, чтобы красная резиновая кнопка на пульте могла отключить все, внутри и снаружи. Хаос, отчаяние и бессмысленную смерть. Поезда, несущиеся к изломанным рельсам, со спящими и ни о чем не подозревающими пассажирами. Капитанов буксиров, сбившихся с курса в неудачный момент.

«Восемь минут», – хочется крикнуть мне. Но кто меня услышит?

¹ Адвил – нестероидный противовоспалительный препарат.

² 1 фут = 30,48 см.

Глава 2

Однажды я занималась розыском мальчика, куски которого потом нашли под крыльцом его бабушки в Ное-Вэлли. Она качалась в кресле на этом скрипящем, облупившемся крыльце, пока мы вытаскивали останки. Я долго не могла выбросить из головы ее лицо: припудренные складки кожи вокруг рта, пятно перламутрово-розовой помады под верхней губой, безмятежность взгляда водянисто-голубых глаз...

Ее внуку, Джереми Прайсу, было четыре года. Женщина сначала отравила его, чтобы он не помнил боли. «Не помнил» – ее слова. Первое слово рассказа о том, как она почувствовала, что должна сделать. Когда мы получили признание, то спросили, и потом задавали этот вопрос еще не раз: «Зачем вы его убили?» Она так и не сказала нам зачем.

* * *

В моей сумрачной комнате, на дешевой поцарапанной тумбочке у кровати стоит дисковый телефон. Рядом с ним лежит инструкция и расценки на междугородние звонки. Брендан берет трубку на втором звонке. Он говорит медленно, низким голосом, будто сквозь бетон. Я его разбудила.

- Где ты?
- В Санта-Розе. Я недалеко забралась.
- Тебе нужно поспать. Голос ужасный.
- Ага.

Я смотрю на свои голые ноги, вытянутые на кровати, чувствуя, как соприкасается с кожей дешевая ткань. Влажная футболка скомкалась, прилипла сзади к потной шее. Я замотала груди бинтами, и боль, невзирая на весь принятый «Адвил», пульсирует внутри с каждым ударом сердца какой-то рваной эхолокацией.

- Я не знаю, что делать. Это ужасно. Зачем ты меня так наказываешь?
- Я не наказываю, просто... Тебе придется самой разобраться с некоторыми вещами.
- И как я должна это сделать?

– Я не могу тебе помочь. – Брендан говорит, как человек, потерпевший крах, дошедший до грани. Я могу представить себе, как он сидит на краю нашей кровати в утреннем свете, сгорбившись над телефоном, запустив свободную руку в густые темные волосы. – Я пытался, и я устал, понимаешь?

- Позволь мне вернуться домой. Мы сможем все исправить.
- Как? – выдыхает он. – Анна, некоторые вещи невозможно исправить. Давай просто немного побудем порознь. Это необязательно навсегда.

Что-то в его голосе, правда, заставляет меня задуматься. Как будто он перерезал пуповину, но боится это признать. Потому что не знает, что я тогда сделаю.

- О каком времени мы говорим? Неделя, месяц? Год?
- Не знаю. – Брендан хрипло вздыхает. – Мне нужно о многом подумать.

Моя рука на кровати кажется восковой и жесткой, будто принадлежит манекену из одежного магазина. Я выбираю точку на стене и смотрю на нее.

- Ты помнишь, когда мы только поженились? То наше путешествие?

Он молчит минуту, потом произносит:

- Я помню.
- Мы спали в пустыне под огромным кактусом, в котором жила куча птиц. Ты сказал,

это кондоминиум.

Еще одна пауза.

– Ага. – Брендан не понимает, к чему я веду, опасается, что я совсем потерялась. Я и сама не очень понимаю.

– Это был один из наших лучших дней. Я была по-настоящему счастлива.

– Да. – Я слышу, он дышит чаще. – Но дело в том, Анна, что я очень давно не видел той женщины. Тебя не было здесь. Для нас. И ты это знаешь.

– Я могу справиться. Позволь мне попытаться.

Молчание вытекает из телефона, заливают меня, пока я лежу на кровати и жду ответа.

– Я не доверяю тебе. Просто не могу. – Четкость этих слов опустошает. Это вердикт. Раньше он жутко злился, но сейчас все намного хуже. Он принял решение, с которым я не могу спорить, поскольку дала ему все основания чувствовать себя именно так. – Позаботься о себе, ладно?

Мне кажется, я шатаюсь над мрачным обрывом. В другие дни нашего брака он бросил бы мне веревку.

– Брендан, пожалуйста... Я не могу потерять все.

– Прости, – говорит он и отключается, не дав мне сказать ни слова.

* * *

На поминальную службу пришли почти две сотни людей, многие из них в форме. Коллеги, друзья и благонамеренные незнакомцы, которые прочитали статью в «Кроникл» и подумали: «Благодать Божия со мной».

Я застегнула платье, которое не чувствовала, наглотавшись «Ативана» до состояния, в котором не почувствовала бы и ножа. Я читала по губам сквозь огромные темные очки, пока Брендан раз за разом говорил «спасибо». Дома я забила в угол кухни, отвернулась от агрессивно расставленных цветов и карточек с соболезнованиями, ушла от сострадающих лиц вокруг стола, покрытого горшочками с жарким и тарелками с сыром. Там меня и нашел мой старший офицер, Фрэнк Лири. В руках он держал тарелку с едой, которую даже не пытался есть.

– Анна, не знаю, что и сказать... Что вообще можно сказать о таком ужасе?

Голос у него обычно был грубоватым, не таким мягким, как сейчас. Я желала только одного: заморозить его прямо на месте, его и всех остальных, как в детской игре «Замри», – и уйти.

– Спасибо.

– Возьми столько отпуска, сколько тебе потребуется. Не беспокойся о работе, ладно?

Кажется, пока он говорил, стены стали на дюйм ближе.

– На самом деле я думала выйти на следующей неделе. Мне нужно на чем-то сосредоточиться.

– Перестань. Ты же не всерьез. Еще слишком рано. Сейчас тебе нужно заботиться только о семье и о себе.

– Фрэнк, ты не понимаешь. – Я слышала, как мой голос сдавливает слова, и попыталась сдержаться, говорить не так отчаянно. – Я сойду с ума от безделья. Пожалуйста.

Он вскинул брови и, кажется, собирался поправить меня, когда в комнату вошел мой муж. Фрэнк чуть выпрямился и протянул руку.

– Брендан. Тяжкий день. Я очень сочувствую. Дай знать, если я чем-нибудь смогу помочь.

– Спасибо, Фрэнк. – Серый вязаный галстук Брендана болтался под расстегнутым воротником рубашки, но в его позе не было ни капли слабости, когда он встал между мной и Фрэнком, глядя туда-сюда, будто пытаясь прочитать настрой, повисший в воздухе. – Что тут происходит?

– Ничего, – торопливо солгала я. – Потом поговорим об этом.

– Я тебя слышал. – Он быстро моргал, его лицо розовело. – Ты что, всерьез собираешься сейчас вернуться на работу?

– Слушай, – Фрэнк шагнул вперед. – Я только что сказал то же самое. Я на твоей стороне.

– А кто *на моей* стороне? – гладкая и прохладная стена под моими ладонями внезапно показалась клеткой. Ловушкой. – Я просто пытаюсь пережить это. Если я не смогу отвлечься... – Мне не удалось закончить фразу.

– Поверить не могу! – губы Брендана сжались, ноздри раздулись. – А как же мы? Как насчет твоей семьи? *Мы* не заслуживаем твоего внимания? Особенно после того, что случилось?

Его слова прозвучали пощечиной.

– Я не это имела в виду. – Я слышала, как натянуто, как неловко звучит мой ответ.

– Именно это.

Мы с Фрэнком смотрели, как Брендан разворачивается и, повесив голову, проталкивается через комнату, полную людей.

– Тебе нужно пойти за ним. Это просто горе. Когда людям больно, они всякое говорят.

– Людям? Фрэнк, а мне не больно? – у меня в груди нет воздуха, все запечатано, остался только вакуум. – Ты тоже винишь меня, верно? Просто скажи это вслух.

Глава 3

Когда я выезжаю из Санта-Розы, воздух теплый, как вода в ванне, а солнце бесстыдно сияет. Повсюду птицы – в ветвях, в незапятнанном небе, в сломанном неоновом «чертике из коробки» – киоске с фастфудом, где из гнезда, украшенного обертками от соломинок, на меня таращатся три пушистых птенца. Их горлышки такие розовые, а клювы так широко распахнуты, что больно смотреть.

Я заказываю большой кофе и сэндвич с яйцом, который не лезет в горло, и срезаю до шоссе 116, которое приведет меня через долину Рашн-Ривер к побережью. Там есть городок Дженнер, больше открытка, чем настоящая деревушка. Далеко внизу Козлиная гора кажется огромным грубым мячиком на фоне ослепительной синевы Тихого океана. Северная Калифорния способна на такие фокусы даже во сне.

За тридцать пять лет я ни разу не выезжала из штата и не жила южнее Окленда, но все равно от этой красоты захватывает дух. Дурацкая, непринужденная, нелепая красота, которая все тянется и тянется, – серпантин Тихоокеанского шоссе и вода, как пощечина безумного цвета.

Останавливаю машину на небольшом овале утопанной земли у самого края дороги, пересекаю обе полосы и встаю над переплетенным кустарником, забуренными скалами и выплесками пенных игл. Вид грандиозен. Он опьяняет. Ветер забирается под каждый слой одежды. Я дрожу, обхватывая себя руками. Мое лицо внезапно становится мокрым, слезы текут впервые за много недель. Я плачу не о том, что сделала или не сделала. Не о том, что потеряла и никогда не смогу вернуть. Я плачу потому, что осознала: есть только одно место, куда я могу отправиться. Единственная дорога на карте, которая для меня что-то значит. Дорога домой.

Семнадцать лет я держалась вдали от Мендосино, заперев это место внутри себя, как драгоценность, на которую нельзя даже посмотреть. Но сейчас, на краю утеса, Мендосино ощущается единственным, что держит меня живой. Единственным, что когда-либо было моим.

Если задуматься, большинство из нас не имеют большого выбора в том, кем мы станем, кого полюбим или какое место на Земле выберет нас, станет нашим домом. Мы можем только идти, когда нас зовут, и молиться, что нас все еще признают.

* * *

К тому времени, когда я добираюсь до Альбиона, прибрежная дымка скрывает солнце. Она кружится в свете фар, отчего все исчезает и появляется заново: извилистая береговая дорога и кучки пихт, а потом и сама деревушка, будто из мрачной сказки. Белые викторианские дома дрейфуют над утесами, туман дрожит и истончается, будто дышит.

Сердце сжимается. Каждый крутой поворот приближает меня к прошлому. Очертания деревьев кажутся эхом. И дорожные знаки, и длинный сырой мост. Когда я замечаю светофор, уже почти загорелся красный. Приходится добавить газа и проскочить на желтый. Потом я еду на чистой мышечной памяти.

Поворачивая налево на Лэнсинг-стрит, чувствую себя так, будто продираюсь закоулками в прошлое. Над крышей Мэсоник-холла, на фоне прозрачного неба, резко выделяются белые фигуры. «Время и девушка». Бородатый старик с крыльями и косой заплетает волосы стоящей перед ним девушке. Она склонила голову над книгой, лежащей на разбитой колонне. В одной руке у нее ветвь акации, в другой – урна, а у ног – песочные часы. Каждый предмет – таинственный символ в головоломке. Скульптура выглядит как загадка, выставленная на всеобщее обозрение.

...Однажды, вскоре после того как приехала жить в Мендосино, я спросила Хэпа, что должна означать эта статуя. Мне было десять. Он улыбнулся и вместо ответа рассказал историю. Как молодой работник лесопилки и плотник по имени Эрик Альбертсон вырезал статую из цельного куска калифорнийской секвойи в середине 1800-х, работая над ней по вечерам в своем домике у пляжа. Где-то в это время он стал первым мастером масонского ордена в Мендосино, но не прекращал заниматься своим шедевром. Вся работа заняла у него семь лет, но вскоре после 1866 года, когда статую установили, он погиб при каких-то странных обстоятельствах, которые не могла толком объяснить ни одна историческая книга.

Хэп был членом масонского ордена не один десяток лет, даже дольше, чем лесничим. Я думала, он знает все, что только можно знать. Но когда я спросила его, как смерть Альбертсона связана с фигурами и что они означают, он искоса посмотрел на меня.

– Смерть Альбертсона не имеет к тебе никакого отношения. В любом случае это случилось давным-давно. А эти символы не будут иметь никакого смысла, даже если я попытаюсь их объяснить. Они рассказывают историю, известную только масонам. Ее никогда не записывали, а передавали из уст в уста, когда человек достигает третьей ступени.

Это заинтриговало меня еще сильнее.

– А что такое третья ступень?

– То, чем ты сейчас занимаешься³, – сказал он и ушел, прежде чем до меня дошла шутка.

* * *

Я ставлю машину, натягиваю бейсболку и темные очки, вылезая в зябкий и влажный воздух. Трудно представить, чтобы кто-нибудь из местных узнал меня взрослой женщиной, но здесь многие читают газеты из Сан-Франциско, а некоторые из моих дел попадали в «Кроникл»⁴. Попал туда и несчастный случай, если уж на то пошло.

В Мендоса-маркете я не поднимаю взгляда, стараясь брать только необходимое: консервированные овощи и бакалею, продукты, которые легко готовить. Меня не отпускает ощущение, что я попала в бобину⁵ старого фильма. Я стояла, кажется, на этом самом месте, перед освещенным холодильником с молоком, пока Хэп вытаскивал холодную коробку, открывал ее, пил прямо из горлышка и подмигивал, прежде чем передать молоко мне. Потом толкал тележку дальше, направляя ее локтем и опираясь на корзину. Неторопливо, будто у нас было все время мира.

...Закончив с покупками, я плачу наличными, загружаю пакеты в багажник моего «бронко»⁶ и еду по улице дальше, к кафе «Хорошая жизнь». Когда я жила здесь, оно называлось по-другому, но я не могу вспомнить, как именно, и это неважно. Звуки, очертания и запахи этого места отлично подходят к воспоминаниям. Заказываю кофе и суп, а потом сижу у окна, выходящего на улицу, согретая постукиванием посуды в мойке, хрустом зерен в кофемолке, негромкими разговорами посетителей. Потом из-за плеча слышу спор двух мужчин.

– Ты что, правда веришь в эту херню? – рывкает один другому. – Ясновидцы и телепаты, да? Сам знаешь, сколько денег у этой семьи. Она просто хочет получить свой кусок. Блин, я ее не виню.

– А если она действительно что-то знает, а ей никто не верит? – огрызается второй. – Может, девчонка лежит где-нибудь и истекает кровью, а то и еще хуже...

– Она, наверно, уже мертва.

³ Намек на допрос третьей ступени, самую жесткую форму дознания.

⁴ «Сан-Франциско кроникл» – американская ежедневная газета с самым большим тиражом в Северной Калифорнии.

⁵ Бобина – катушка, на которую наматывается киноплёнка.

⁶ «Бронко» – внедорожник, выпускаемый американским производителем «Форд».

– Да что с тобой такое? Она человек. *Ребенок.*

– Дочка знаменитости.

– Это ничего не значит. А вдруг та ясновидящая говорит правду? Разве ты никогда не видел чего-нибудь такого, что нельзя объяснить?

– Не-а. Не доводилось.

– Видно, ты просто не обращал внимания.

Слушая их разговор, я чувствую себя невесомой. Плачу́ за кофе и суп, стараясь не смотреть в сторону тех мужчин, и подхожу к доске объявлений на дальней стене. Это всегда было частью нашего с Хэпом утреннего ритуала. У него была привычка откидывать голову, пока он просматривает объявления. В руке белая кружка, взгляд ищет что-то, еще не бросившееся в глаза.

– Сколько, по-твоему, можно узнать о городке такого размера? – спросил он меня в самом начале.

Я жила в разных городах округа Мендосино, но все они были крупнее и обтрепаннее. По сравнению с ними эта деревушка была как с иголочки. Мне она представлялась кукольным домиком, который можно открыть, как чемодан, и разглядеть все внутри, комнату за комнатой.

– Все, что угодно.

– Люди, которых ты видишь каждый день? Дома, мимо которых ты проходишь тысячу раз, не задумываясь?

– Наверное, так.

– Анна, подумай. Откуда берется слепое пятно?

Вроде того, когда мы ведем машину, имел он в виду.

– Кто-то у тебя прямо за плечом, слишком близко, чтобы увидеть.

– У людей это тоже работает. Всякий человек у тебя прямо под носом просто исчезает. Это опасная зона. Тем, кто в ней, ты доверяешь больше всего.

Сколько я себя помнила, люди говорили, что я должна им доверять. Социальные работники, учителя и абсолютные незнакомцы – все они твердили разные версии одного и того же: я должна перестать быть такой замкнутой и открыться людям. Но мир демонстрировал обратное, а сейчас и Хэп говорил об этом.

– В чем секрет?

– Просто держи глаза открытыми. Открытыми все время, но особенно когда думаешь, что тебя невозможно удивить. Так ты научишься прислушиваться к собственному голосу.

– А как же другие люди?

– Они либо заслужат твое доверие, либо нет.

Хэп имел в виду не только чужих, но и себя и свою жену, Иден. Какая-нибудь другая десятилетняя девочка с иным жизненным опытом могла бы занервничать после таких слов, но я испытала облегчение. Он пока не доверял мне, а я не доверяла ему. Наконец-то кто-то не пытался притвориться, что это легко. Наконец-то кто-то решил сказать правду.

...Название кафе поменялось, но доска объявлений осталась прежней. Я медленно просматриваю их: яркие листочки цветной бумаги, навязывающие уроки игры на гитаре, гадание по руке и садовую почву. Кто-то ищет модель для художника. Кто-то предлагает бесплатные дрова. Я не тороплюсь, читаю сообщения одно за другим, пока не натыкаюсь на пропавшую девочку. Растерянное симпатичное лицо под словами: «ВЫ МЕНЯ НЕ ВИДЕЛИ?»

Кэмерон Кёртис

Возраст: 15

Видели последний раз: 21.09

Красная фланелевая рубашка, черные джинсы

162 см, 48 кг

Длинные черные волосы, темно-карие глаза

Звонить: 724-555-9641

Обещано крупное вознаграждение

Двадцать первое сентября было вчера. День, когда Брендан наконец не выдержал и попросил меня уехать. От этого совпадения меня перетряхивает. Я снова смотрю на девушку. На ее серьезный взгляд и поток волос до талии. Она слишком красива. Ей не суждено быть в безопасности, где бы она ни была. Изгиб ее губ говорит мне, что с ней *уже* случилось плохое. Еще до исчезновения. Я видела слишком многих, похожих на нее, чтобы верить иному. Но здесь не Сан-Франциско, где листовки с фотографиями пропавших подростков клеят на каждый киоск: зрелище настолько привычное, что они становятся прозрачными. В маленьких городках вроде Мендосино любой акт насилия становится личным. Это почувствует каждый. Это затронет любого. Я слишком хорошо это знаю.

Еще секунду смотрю на девушку, потом тянусь к номеру коттеджа в аренду, прямо под листовкой о пропаже. Дом в семи милях от города, четыреста долларов в месяц. Когда я звоню владельцу, Кёрку, он поясняет, что там нет ни телевидения, ни телефона, ни центрального отопления.

- Голые кости, можно сказать. Но отличное убежище, если вы любите, когда вокруг тихо.
- Люблю.

Глава 4

Когда я впервые увидела Мендосино, он казался ненастоящим. Вдоль улочек выстроились пряничные домики, большинство – белые, с пышной отделкой и штacketными заборчиками. Вся деревушка растянулась по лохматому, округлому берегу над Тихим океаном. Маленькая, хватит и одного взгляда, с одним продуктовым магазином, горсточкой лавочек, двумя кладбищами и начальной школой.

– А это что? – спросила я Хэпа, указывая на деревянные квадратные башенки, приделанные к соседнему дому. Миссис Стефенс, мой социальный работник, только что уехала, и мы стояли перед домом Хэпа и Иден на Ковело-стрит.

– Водонапорные башни, – пояснила Иден. Она была мягкой, округлой и пахла пудрой, в то время как Хэп – высоким, подтянутым и широкоплечим, с длинными усами. Если он выглядел как ковбой, то она – как бабушка, но не была ей, как я только что узнала. Они воспитали немало приемных детей, но собственных у них не было.

Их дом был прекрасен. Большой, викторианский, он казался мне кораблем. Второй этаж был шире первого, с округлыми окнами, глядящими на утесы, золотистую траву и изогнутые ветрами кипарисы. Пока мы стояли вместе, только начиная привыкать друг к другу и нашим новым отношениям, во дворе садилось солнце.

Меня только что привезли из Форт-Брэгга, из маленького грустного домика-коробки рядом с военной базой. Оттуда тоже был виден океан, но совсем не так. Я еще никогда не видела *такого* океана. Солнце сползало в него, будто медленно таяло, как шар оранжево-розовой ириски, который, казалось, пульсирует в середине, как сердце. Я не могла оторвать от него глаз.

Потом, в ту секунду, когда солнце совсем исчезло, оно полыхнуло зеленым.

– К удаче, – сказала Иден.

Я больше не верила в удачу, но что-то определенно случилось. Мендосино уже начал притягивать меня. Как гравитация.

* * *

Следуя указаниям Кёрка, я выезжаю из городка по Литтл-Лейк-роуд. Через пять миль асфальт сменяется грязью и гравием. Пихты, сосны и ситхинские ели⁷ густеют, наступают со всех сторон, словно сказочные деревья с темными верхушками, которые сплетают тени из ничего, ночь из дня, будто крадут весь свет и где-то его прячут. Господи, как я по ним скучала...

Еще через две мили сворачиваю налево у красного флажка с потертым деревянным знаком «Въезд воспрещен». Узкая грунтовка вьется по склону холма еще три четверти мили. Потом я вижу подъездную дорожку и силуэт кедрового домика, мелькающий сквозь плотный ряд высоких сосен. Дом выглядит как жилище отшельника, остров посреди леса, пещера, в которой можно исчезнуть. Идеальное место.

Кёрк ждет меня на крыльце. На вид ему лет шестьдесят пять. Плечи расправлены, седые волосы топорщатся в военной стрижке. Лицо угловатое, взгляд суровый, даже когда он улыбается и машет мне рукой с ключами.

– Легко нашли?

– Без особых проблем. – Я вижу аккуратное крыльцо. Под подоконником сложена поленница. – Это бывший охотничий домик?

⁷ Ситхинская ель – хвойное дерево из семейства сосновых, растущее на западе Северной Америки.

– Думаю, когда-то да. Принадлежал семье моей жены. Теперь я сдаю его в аренду, когда могу. – Я чувствую, что он изучает меня. – Большинство народу хочет кучу всего еще, место для романтического отпуска... В таком духе.

Молча киваю и захожу за ним в дом. Большая комната, сплошь темные панели и запах. Сладковатый и гниlostный, почти звериный. В углу расположилась почерневшая круглобоякая печка. Розовые занавески из набивного ситца обрамляют окна в маленькой кухне, где стоят кукольных размеров раковина со столиком и холодильник, больше подходящий для комнаты в общежитии. С железного крючка свисает изношенное полотенце для посуды.

– Видите, здесь есть все, что вам понадобится.

Если б он знал, как мало мне нужно... И как много.

За гостиной – темная ванная: душевая кабина размером со шкаф, дверца из дешевого матового стекла. Спальня, похоже, пристроена. Когда я захожу туда, порог поддается, как губка, но сама комната ощущается достаточно прочной, с двуспальной кроватью на металлической раме и простенькой тумбочкой с лампой. Панорамное окно на южной стене выходит на густой лес, вырисовывающийся на фоне угасающего света. *Вечерняя заря*. Так всегда называла это время суток Иден. Странное выражение, ведь обычно заря бывает утром.

– Ночью может быть прохладно. На вашем месте я бы растопил печку. Можете брать столько дров, сколько понадобится, если потом наколете взамен. Нагреватель жрет пропан. – Кёрк дергает плечом в сторону агрегата у стены. – Все, что используете, восполните из города.

– Отлично, – заверяю его я, желая поскорее остаться одной.

Но это еще не все. У душа есть хитрость с кранами – перепутана горячая и холодная вода. Дымоход печки нужно регулярно прочищать. Кёрк показывает, как запустить генератор, если отключится электричество, а такое случается.

– Лесопогрузчики рвут провода. Думаю, водители просто напиваются. Они так ездят по здешним дорогам, что за ними стоит следить. Да, и запирайтесь на ночь как следует. Одинокая женщина, ну... – Голос затихает, словно он только что услышал, как пересек невидимую границу личного пространства.

– Со мной все будет в порядке. – В мой голос прокрадывается раздражение.

Кёрк неловко откашливается.

– Конечно. Само собой.

* * *

Когда он наконец уезжает, в доме становится тихо. Я распаковываю вещи и выхожу на крыльцо, в прохладный, сумеречно-сиреневый свет. Промежутки между деревьями сужаются. Я вдыхаю это спокойствие и на одно ненадежное мгновение позволяю себе задуматься о жизни, из которой меня только что вышвырнуло. Не по собственному выбору. О Брендане и нашей неряшливой кухне. Повсюду игрушки, в раковине перевернутая детская ванночка. О наших именах рядышком на почтовом ящике, словно обереге, который не справился со своей задачей. Мы прожили вместе семь лет, но он был прав, когда сказал, что я была там не ради него.

Смотрю вверх. Ищу в прорехах пелены луну, но ее нет. Где-то ритмично ухаает ушастая сова. Еще дальше начинает жалостливо поскуливать собака. Или это койот? Температура падает. Я дрожу в фланелевой рубашке и куртке, думая, насколько похолодает к утру и есть ли у той девушки одеяло или огонь, где бы она ни была.

Та девушка.

Я понятия не имею, откуда пришла эта мысль, но тут же пытаюсь от нее избавиться. Мой мир еще дымится у меня за спиной из-за девочек вроде Кэмерон Кёртис. Пропавших и травмированных. Их истории притягивают меня, как песни сирен. Последние несколько лет я работала в программе под названием «Проект Прожектор» в районе залива Сан-Франциско.

Проект фокусировался на сексуальных преступлениях и преступлениях против детей, похищенных и убитых незнакомцами, украденных и беспомощных перед членами собственной семьи, выбранных сутенерами и чудовищами, незаметно проданных и перепроданных.

Это самая тяжелая работа, которой я когда-либо занималась, но и самая важная, даже если Брендан никогда не сможет меня простить. К тому же я хорошо с ней справляюсь. Со временем у меня выработался своего рода радар на жертв, и Кэмерон Кёртис хорошо мне знакома, будто у нее над головой горит неоновая вывеска, транслируя ее историю, ее уязвимость. И не только мне. Откуда бы ни взялась эта вывеска, хищники тоже видят ее: кричаще-яркую и однозначную.

Я думаю о семье девушки, потерявшей голову от тревоги и ужаса. Думаю о том, насколько одинокой и брошенной чувствовала себя Кэмерон. Отчаявшейся. Оторванной. Как печаль и стыд из чувства становятся болезнью, жутким раком, который крутится вокруг мира, забирая жизни в скрытном бесконечном цикле.

Когда скулеж повторяется, я вздрагиваю. Определенно койот. Никакие другие животные в этих лесах не звучат так по-человечески. В их плаче холод, одиночество и голод. Даже страх. И этот плач звучит и звучит.

Глава 5

В эту ночь я бестелесно всплываю над белым полумесяцем пляжа, когда кто-то, пошатываясь, бежит сквозь спутанные водоросли и тени. Это девушка. Она спотыкается и падает на колени, встает и снова падает, пьтится, опираясь на руки, визжит и трясется. А потом внезапно замолкает. Замолкает, как это делают животные, когда понимают, что бежать больше некуда.

Я резко просыпаюсь. Сердце колотится, кожа липкая от пота. Должно быть, опять вернулась горячка. Мои груди под толстой фуфайкой все еще стянуты, но по-прежнему набухшие. Боль тупая, но постоянная, пульсирующая. Точка опоры.

Вокруг ледяная темнота; кажется, она стеклась ко мне. Я забыла, каково это: спать в лесу, где нет ни шума улицы, ни звуков от соседей, ни света. Натянув на ноги вторую пару носков, выхожу в большую комнату, где мерцающие часы в микроволновке говорят мне, что еще нет и четырех утра. Я проспала всего часов пять. Скорее отключилась.

Нахожу ибупрофен и какое-то снотворное, запиваю их виски, надеясь очистить голову от кошмара. Я могу только предполагать, что девушка во сне – Кэмерон Кёртис. Мое подсознание состряпало версию ее исчезновения, захваченное драмой, которая всегда поглощала меня, задолго до того, как я стала детективом. Как будто крики о помощи, вечно звенящие в атмосфере, усиливаются при встрече со мной и прилипают. Как будто они – часть меня, и я лишена права голоса, лишена иного выбора, кроме как попытаться ответить.

* * *

Первое, что я вижу, когда просыпаюсь через несколько часов, это полупустая бутылка виски на полу рядом с диваном и мои носки на кофейном столике. Где-то за глазами яблоками пульсирует похмелье, разноцветное и блестящее. Будь Хэп здесь, он бы встревожился, что я так много пью. Вдобавок он бы уже оделся, умылся и поставил вариться кофе. Хэп любил и утро, и поздний вечер. Иногда я задумывалась, спит ли он вообще, но меня согревала мысль, что Хэп всегда там, если он мне понадобится, бодрый и готовый к делам. Мне хочется, чтобы это все еще было правдой.

Одеваюсь теплее, чувствуя, как верхняя пуговица джинсов впивается в мягкую плоть на животе, как кончики пальцев натирают морщинистую кожу, словно свежий рубец. Зачесываю волосы назад, не глядя в зеркало, наливаю в термос кофе, а потом закрываю за собой дверь домика и еду назад, к деревушке.

Выехав на прибрежную дорогу, поворачиваю на север к Каспару и Джаг-Хендл-хиллс, любимому месту дневных походов Хэпа. Когда мне было одиннадцать, Хэп и многие из лесничих, с которыми он работал, присоединились к местным активистам, чтобы защитить утесы от вырубки леса и застройки, – и победили. Этой победой гордился весь регион. Хэпу было всего двадцать, когда он начал работать на Лесную службу США⁸, поднимаясь по ступеням, пока, незадолго до того, как я приехала жить у них, не стал главным лесничим, присматривающим за десятками лесничих и пятьюдесятью тысячами акров федеральных земель.

Его работа была большой, серьезной, а иногда и опасной. В историях, которые он рассказывал, было много происшествий на охоте, туристов в отчаянных ситуациях, подростков, синих и безжизненных, которых вытаскивали из неприметных шахт. Хэп знал, что может сделать с человеком агрессивный черный медведь и что в этой бескрайности может сделать с человеком другой человек.

⁸ Лесная служба США – агентство Министерства сельского хозяйства США.

За восемь лет, прожитые в Мендосино со Стратерсами, я стала ученицей Хэпа и его верной спутницей, его тенью. Сначала я не понимала, почему он хочет проводить со мной столько времени или почему они с Иден вообще взяли меня к себе. Я уже проскочила через полдесятка домов, нигде не прижившись. С чего бы сейчас быть по-другому? Понадобилось время и немало усилий, чтобы я поверила – Хэп и Иден именно те, кем выглядят снаружи: порядочные люди, которые добры просто потому, что добры. Я испытывала их на прочность, подзуживая отослать меня прочь, как это сделали все остальные. Однажды я сбежала и заночевала в лесу, думая, придет ли Хэп и сможет ли он меня найти. Когда Хэп нашел меня, я решила, что он злится и досыта нахлебался моих глупостей, но нет. Он только смотрел на меня, промокшую, дрожащую и вымазанную грязью.

На обратном пути к машине Хэп сказал мне:

– Если ты собираешься в одиночку бродить по лесу, давай научим тебя, как это делать, чтобы ты могла позаботиться о себе.

– Я и так могу о себе позаботиться, – ответила я, немедленно уйдя в защиту.

– У тебя была нелегкая жизнь. Я знаю. Тебе пришлось стать стойкой, чтобы справиться с ней, но стойкость, Анна, не то же самое, что сила.

Этими словами он будто высветил трещину в моем сердце, которую я считала хорошо спрятанной.

– О чем ты говоришь?

Мы дошли до машины и залезли в нее. Хэп устроился за рулем и, казалось, не торопился ответить. Наконец он обернулся ко мне и сказал:

– Линда рассказала нам, солнышко, что случилось с твоей матерью.

Линдой была миссис Стефенс, мой социальный работник. Теперь я могла только притворяться, что мне без разницы, что он знает и что обо мне думает.

– И что?

– Я даже представить не могу, на что это похоже для ребенка твоего возраста. Честно. У меня просто сердце разрывается.

Все мысли, бродившие в моей голове, исчезли с ощутимым хлопком. На автопилоте я сдвинулась на дюйм ближе к ручке дверцы.

Хэп заметил это и застыл. Казалось, двигаются только его глаза, но они видят все.

– Я не стану тебя удерживать, если ты захочешь сбежать, но если ты дашь нам шанс и останешься, я смогу научить тебя вещам, которые помогут тебе позже. Вещам, которые помогли мне. Жизни в лесах.

Глядя прямо вперед, на пыльные разводы от «дворников» на лобовом стекле, я пожалала плечами, показывая, что не особо внимательно его слушаю.

– Анна, природа требует нашего уважения. У нее есть жестокая сторона, само собой, но, если ты изучишь ее язык, в ней можно найти мир и утешение. Лучший вид лекарств, который я знаю.

– У меня и так все отлично. – Я обернулась к нему, провоцируя возразить.

– Конечно, не спору. А как насчет одного урока, прежде чем мы поедем домой? Я могу научить тебя, как отыскать географический север. Это легко.

Мне хотелось сказать «да», но это слово застряло внутри давным-давно, растопырилось, как камушек в горле. Я только убрала руку от дверцы и опустила на колено.

– Можно и потом, не страшно, – сказал он. – Вполне может подождать. Поехали домой.

Тем вечером, перед сном, Хэп принес мне книгу в тканевом переплете под названием «Основы выживания в лесу». Я засунула ее в ящик тумбочки, но вытащила обратно, едва он вышел из комнаты, и изучила оглавление. «Сигналы». «Пища». «Укрытие». «Узлы и шнуры». Давно прошла полночь, а я все читала. В книге были пошаговые инструкции, как проверить съедобность растений и жуков, установить силки, сделать шалаш, поймать рыбу руками. В ней

была система условных обозначений для карт и компаса, полевое ориентирование и особенности разных типов местности, разведение костров, личная безопасность, уход за ранами, адаптируемость, преодоление стресса, гипотермии и страха...

Я не понимала, почему меня так поглотили эти описания – по крайней мере, тогда, – но они говорили со мной на каком-то глубинном уровне. Хэп был мудрым человеком. Должно быть, он с самого начала догадался, что это единственный способ разговаривать со мной: как один выживший с другим.

* * *

Я заезжаю на маленькую парковку в начале тропы, дважды завязываю тяжелые ботинки, застегиваю анорак до подбородка и огибаю главную тропу, чтобы пройти менее известным маршрутом к изгибу утеса. Через полмили вхожу в густую кипарисовую рощу и ныряю в узкую брешь в стене деревьев, держа перед собой руку, чтобы собирать на нее паутину, которая тут есть, хоть ее и не видно. Руки становятся липкими от нитей, а потом время тоже становится липким. Мне десять или одиннадцать, и мне впервые показывают тайный проход в эту рощу.

«Крумхольц». Я помню название этой формы деревьев из уроков Хэпа. Немецкое слово, означающее искривленный лес. Суровая погода десятилетиями лепит из деревьев гротескные формы. Соленый северный ветер убивает кончики ветвей, вынуждая их склоняться и изгибаться, стремиться к земле вместо неба. Они – живая диаграмма адаптации, смысленности и жизнестойкости природы. Они не должны расти таким образом, но все же растут.

В роще меня внезапно и резко охватывает тоска по Хэпу. По всей прелести, которую он показывал, и по всему уродству. По тому, как он шаг за шагом раскрывал передо мной мир, веря, что я впускаю этот мир в себя. Здесь я чувствую себя ближе к нему и намного ближе к ответам, за которыми пришла, к способу сложить себя обратно, как разбросанный пазл.

Закрываю глаза, стараясь удержать это все – свободно просеянный свет и густой запах мха. Но в следующее мгновение выскакивает, будто надпись на черном экране кинотеатра, мысль. Вспышка остаточного изображения, стремительная и мрачная. «Это идеальное место, чтобы спрятать труп».

Кэмерон Кёртис стремится к поверхности моего разума, как тепло. Как кровь, пощипывающая ладони, когда я их сжимаю. Эти большие карие глаза, которые видели непростые вещи. Упрямая надежда в изгибе губ. Длинные темные волосы. Кажется, не имеет значения, что на своем пути я подвела других вроде нее, да и саму себя. Что, возможно, уже слишком поздно. Она здесь.

Я едва не спотыкаюсь, пока выбираюсь сквозь брешь обратно и иду к утесам, все быстрее и быстрее по пустой тропе, к самому краю, где ветер так силен, что почти сносит меня. Внизу четыре маслянистых баклана уселись на зазубренной черной скале; их шеи изогнуты, прижаты к телу, как крюки. Вокруг них бурлит прибой, рассыпая пену. Еще дальше видны черные волны и зеленые волны. Рыболовное суденышко выкатывается на гребень одной и падает, будто в люк.

Мне хочется, чтобы Кэмерон Кёртис исчезла, как это судно, прочь из моего подсознания. Но даже судно не исчезает. Оно выскакивает из впадины, маленькое и белое. В ушах начинает звенеть от холода, но я все равно сажусь, плотно обхватываю колени руками, держу себя, чтобы не рассыпаться. Волосы задувает в глаза и в рот, у них вкус морской воды. Кажется, все кружится в вихре, дергается взад и вперед, ужасное и прекрасное. И я пытаюсь вспомнить, как пережить немислимые мгновения, как выбраться из пустошей хаоса и страха...

Глава 6

Примерно через час возвращаюсь к машине. Я продрогла до костей, но стала чувствовать себя спокойнее. Едва выйдя на парковку, вдруг останавливаюсь. Въезд наполовину перегораживают два полосатых барьера. У доски объявлений толпятся пять или шесть полицейских со служебными собаками и рациями. Отряд для поисков Кэмерон Кёртис.

Затягиваю капюшон анорака и иду к своему «бронко», чувствуя себя выставленной напоказ, в полной боевой готовности. В десяти футах от автомобиля слышу свое имя. Наверное, почудилось. Здесь меня никто не знает. Теперь – никто. Ускоряя шаг, протягиваю руку к дверце, и в это мгновение моей спины касается рука.

– Эй!

Резко разворачиваюсь, рефлекторно вскидываю руки, готовясь к стычке. И совершенно не готова увидеть это лицо – такое знакомое даже спустя годы. Будто плыву сквозь круговорот образов или просыпаюсь в машине времени.

– Анна Харт... Поверить не могу.

Я могу только таращиться на него. Серые глаза, морщинки, квадратный подбородок, красивый прямой нос, кайма непослушных золотисто-рыжих волос, торчащая из-под поля шляпы. Он – фантом, воспоминание, друг из иной эпохи.

– Уилл Флад...

Тянусь обнять его, задевая локтем по плечу, потом наступаю ему на ногу.

– Ой! – он смеется. – Какого черта ты тут делаешь?

Я не могу придумать быстрый ответ. Последний раз, когда мы виделись, мне было восемнадцать, а ему двадцать два. И он был в новенькой форме офиса шерифа, которым несколько десятилетий безупречно управлял его отец. Тогда у Уилла были большие мечты, он часто говорил о Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Денвере, Сиэтле... о любых местах, на которые не падала длинная тень Эллиса Флада.

– Что тут происходит?

Как будто это не очевидно.

– Пропала девушка. Два дня назад. Исчезла из своего дома посреди ночи, никаких следов взлома.

– Сбежала?

– Не думаю. Ее мать – Эмили Хейг.

– Актриса Эмили Хейг? – в это сложно поверить. Звезда кино в Мендосино?

– И все это свалилось на меня... Семья хочет скрыть эту историю от прессы. Отец пытался сунуть мне десять тысяч, чтобы ускорить поиски. Как будто это сработает... Помани деньгами, и девушка выскочит из шляпы.

– Надеюсь, ты взял их.

Он смеется.

– Слушай, давай попозже выпьем.

– Я не могу.

– Ну да, конечно... Жду тебя в «Паттерсонс» в восемь или отправлюсь тебя искать.

Я чувствую еще один приступ головокружения и жалею, что нельзя просто моргнуть и исчезнуть. Быть далекой и невидимой. Но это же Уилл...

– Я попробую.

– Буду ждать. – Он разворачивается и широким шагом идет к своим людям, отдавая приказы.

* * *

Забираюсь в «бронко» и завожу мотор, пока его команда стремительно всасывается в главную тропу. Я знаю ее назубок и знаю, какое тяжелое дело им предстоит. Они будут прочесывать каждую квадратную милю: искать потревоженную растительность или обрывок ткани. Любой признак чего-то необычного. Некоторые собаки натренированы на поиск и спасение: они сосредоточатся на запахе Кэмерон, понюхав ее джемпер, или подушку, или любую другую вещь. Другие обучены искать человеческие останки по запаху, идущему от почвы или висящему в воздухе.

В подобных ситуациях, когда кто-то просто исчез, велики шансы – по крайней мере, поначалу, – что человек вернется невредимым. Возможно, Кэмерон заблудилась где-то в лесу или решила сбежать.

Исчезнуть – не преступление, но здесь, кажется, присутствует какая-то пустота. Некое темное мерцание, заставляющее задумываться. Девушку могли принудить сбежать. Сделать соучастницей в той беде, которая с ней приключилась. На этот счет есть старая история, как дьявол крадет души, открыто прося их. Он не вор, но мастер манипуляции. Настоящая опасность, говорится в той истории, заключается не в самом дьяволе, а в незнании, что ты можешь отвергнуть его предложение.

Это самое печальное, на мой взгляд, и оно повторяется раз за разом. Жертвы, у которых внутри нет даже шепотка, говорящего «нет». Потому что они не верят, что их жизнь действительно принадлежит им самим.

Глава 7

Всю дорогу до деревеньки я чувствую себя встрянутым «снежным шаром». Уилл до сих пор здесь. Он стал городским шерифом, как его отец. И что теперь? Как ответить на любой из неизбежных вопросов о моей жизни и причине возвращения домой? Как не прислушиваться к новостям об этом расследовании? Как избежать разговоров о прошлом? В конце концов, мы не просто пара старых друзей.

В те годы, с тех пор как мне было десять, а Уиллу четырнадцать, мы были частью истории друг друга. Его отец, Эллис Флад, являлся ближайшим другом Хэпа, и потому мы часто болтались вместе. Но даже если нет, в городках вроде Мендосино дети бегали стайками, строя крепости из плавленника на Португальском пляже, бродя по лесу за Джексон-стрит или играя в прятки с фонариком на утесах в безлунную ночь. В нашей маленькой банде были еще двое. Калев и Дженни Форд, близнецы, жившие с отцом с тех пор, как их мать много лет назад сбегала с каким-то мужчиной, не желая иметь ничего общего со своей семьей.

Меня всегда тянуло к детям с историей, похожей на мою. Будто мы были неким клубом с тайным, непрозрачным паролем. Они были старше меня на два года, но почему-то с Дженни эта разница ощущалась больше, чем с Калевом. Он был умен, как мне нравилось, – голова набита разными фактами и историями о городе – и потому естественным образом подходил на роль друга. Я тоже всегда любила знать разные вещи: не только историю, а вообще все, что происходит. Всякие частности о местах и людях, старые рассказы и новые загадки, всевозможные тайны.

А еще Калев находил лучшие места для прятков. В одну из ночей я последовала за ним, когда Дженни начала считать и все разбежались. Большинство ребят прятались поодиночке, но Калев не возражал, чтобы я держалась рядом. Я следила за ним всю дорогу до края утеса, а потом он будто прошел сквозь невидимую дверь. Подойдя туда, я увидела, что Калев отыскал маленькое и безупречное «воронье гнездо» на кипарисе. Раздвоенная ветвь выдерживала его вес, а все дерево каким-то волшебным образом укрывалось в склоне утеса. Гениальное место. Запретный плод. Технически мы были за краем утеса, однако в безопасности – в некотором роде. Ветви под нами были как раз нужной толщины и формы для двух тощих ребятишек. Густые ветки вокруг хорошо укрывали нас – настолько эффективно, что когда Дженни подбежала и посмотрела прямо на дерево (ее лицо казалось лимонно-желтым в свете маленького фонарика), то ничего не заметила и продолжила поиски.

Все это еще было для меня новым и чужим: ночные игры и хохочущие группки соседских детей... *Детство*. Мы с Калевом ухмыльнулись друг другу, довольные собой, поскольку уже выиграли игру. Все игры, в которые могли сыграть. Казалось, ночь растягивается во все стороны, созданная для детей вроде нас, невидимых – *бессмертных*, – пока издали доносились крики Дженни, надеявшейся вспугнуть кого-нибудь из ребят. Мы долго следили за лучом ее фонаря, который подпрыгивал и прятался в черной траве, пока наконец не стал размером с кнопку.

* * *

В то время Уилл был влюблен в Дженни. И не он один. Она была самой симпатичной и славной девушкой во всем городке. У нее были ровные белые зубы, как в рекламе зубной пасты, медные веснушки на переносице и длинные каштановые волосы, которые мотались из стороны в сторону, когда она шла. А еще у нее был красивый голос, высокий и проникающий

в самое сердце, как у Джони Митчелл⁹. Она играла на гитаре вечерами у костра, зарыв ноги во влажный песок, пока другие ребята передавали по кругу стащенное пиво, слушая вполуха. Но я не могла от нее оторваться.

В один из вечеров Дженни спела собственную песню, названную «Прощай, Калифорния». О девушке, которая чувствует себя настолько потерянной и неприкаянной, что уходит в море и больше не возвращается. «Не ищите меня, я никто», – говорилось в песне.

На пляже, в оранжевом свете костра, Дженни вызывала у меня чувство редкостной близости. Будто я и вправду смотрю, как она сидит в своей комнате: тело обвивает гитару, а в каждом слове звучит одиночество. В настоящей жизни Дженни никогда не наводила на такие мысли, но я понимала, что это ничего не значит. Печаль может прятаться за любым фасадом.

Поскольку Дженни была на два года старше и не пыталась сблизиться со мной, я мало что знала о ее жизни дома. Но даже будь мы лучшими подругами, она могла не сказать мне. Есть тысячи разных способов хранить молчание, я знала это. Однако песня говорила – по крайней мере, со мной. От нее бежали мурашки по коже, на нее отзывалась душа. «Прощай, Калифорния, прощай, печаль. Пусть волны расскажут, прости, мне не жаль».

* * *

Мне было пятнадцать, когда Дженни Форд пропала, – в августе 1973 года. Ей было почти восемнадцать. Она только что окончила старшую школу Мендосино и осенью должна была отправиться в Университет Санта-Барбары, чтобы изучать сестринское дело. А пока работала в сорока пяти минутах от городка, на виноградниках Хаш в Бунвилле, копила деньги на машину и ездила на попутках. В один из вечеров она ушла с работы, как обычно, но так и не добралась до дома. Весь город – особенно Калев – был перепуган. Надолго. На людей было тяжело смотреть. Шептались, что она могла сбежать. Подростки часто сбегали, по самым разным причинам. Но Калев настаивал, что она не могла сбежать – по крайней мере, не предупредив его или не взяв его с собой.

Пока мы ждали новостей, я чувствовала, как во мне пробуждается старый, дремлющий страх. Годы, прожитые в Мендосино с Хэпом и Иден, укрепили меня, убедили, что я в безопасности. Но сейчас я понимала, что случившееся с Дженни могло с легкостью случиться и со мной. На самом деле мы не сильно отличались друг от друга.

⁹ Джони Митчелл (наст. Роберта Джоан Андерсон, р. 1943) – популярнейшая канадская певица и автор песен.

Глава 8

Я добираюсь до «Паттерсонс» чуть позже половины девятого. Уилл сидит в дальнем конце бара. Перед ним почти пустая чашка кофе.

– Я уже собирался уходить. – Он обнимает меня.

Обнимаю его в ответ, замечая, что Уилл успел принять душ и переодеться в свежую форму. Влажные волосы аккуратно причесаны, но я знаю все его вихры, которые вылезут на свободу, едва высохнут. Уилл пугающе не изменился – та же сильная челюсть, те же длинные ресницы. Та же энергичная грация, будто он наполовину человек, наполовину золотистый ретривер.

– Ты здорово меня ошаршил.

– Взаимно. – Он смеется и делает знак бармену, светловолосой женщине средних лет с мягким лицом и сильно подведенными глазами.

Я заказываю «Гиннесс» и рюмку «Джеймсона», потом оборачиваюсь к Уиллу.

– Не присоединишься?

– Я на работе. На самом деле я на работе до тех пор, пока мы не найдем девушку.

– А, конечно... Не знаю, о чем я думала. – Бармен возвращается с заказом, и я поднимаю стакан с пивом в сторону Уилла. Маленький шуточный тост. – Поверить не могу, что ты до сих пор здесь. У тебя было столько планов...

– Правда? – он корчит рожицу. – И куда я должен был отправиться?

– В тысячу мест. Куда угодно.

– Хочешь сказать, подальше от тени моего старика?

– Наверное. Иногда я о нем вспоминаю. Он умел произвести впечатление. Багз Банни¹⁰...

– Ага. Он серьезно работал над этим делом. Часами тренировался. В чем-то он бывает сукиным сыном, но он забавный.

– Так он все еще здесь?

– В доме престарелых. В Форт-Брэгге. – Уилл накрывает пальцами чашку, играет с ней, ему явно неуютно. – Он немного не в себе, как они говорят.

– Ох, сочувствую...

– Ничего. – Он поднимает плечи, потом опускает, пытаясь от чего-то освободиться. –

Правда, все еще может рассмешить моих ребятишек.

– Ребятишек? Здорово. Уверена, ты хороший папа.

– Я стараюсь.

– Мальчик? Девочка?

– Мальчик и девочка, десять и двенадцать. И оба умнее, чем надо.

– А твоя жена, чем она занимается?

– Бет преподает в школе Монтессори, дальше по дороге. Давно там работает. Ученики очень ее любят.

– Симпатичная картинка. – Инстинктивно бросаю взгляд на его левую руку. Ни кольца, ни следа от него, ни линии загара. Может, он просто не носит кольцо, а может, тут что-то еще, о чем он не говорит...

– А как ты? Надолго приехала?

– Пока не знаю. – Я отвожу взгляд. – Сейчас я живу одним днем.

– Замужем?

– Я замужем за своей работой. – Ложь, в которой океан правды.

– Я немного отслеживал твою карьеру. Проект «Маяк». Ты хорошо справляешься.

¹⁰ Багз Банни – знаменитый мультипликационный персонаж; известен своим легкомысленным и беззаботным характером.

- «Прожектор», – поправляю я. – Но да.
- Все эти пропавшие дети... Должно быть, нелегко. Я бы не смог этим заниматься.
- «Именно этим ты и занимаешься», – хочется сказать мне, но это будет нечестно.
- Как ты держишься? – спрашиваю я вместо этого.
- Уилл качает головой. Он выглядит усталым.
- Не спал с тех пор, как поступил звонок. Семья ждет ответов, но у меня их нет.
- ФБР подключилось?
- Для привлечения федералов нужны доказательства похищения, а их нет. Вообще никаких улик. И никакого мотива. Ни свидетелей, ни места преступления.
- Но ты думаешь, что ее кто-то забрал.
- Это просто ощущение, но... Да. Я так думаю. Пару лет назад была история с девочкой неподалеку от Ричмонда. Исчезла прямо с собственного крыльца.
- Эмбер Шварц-Гарсиа.
- Похожий возраст, верно?
- Ей было семь. Между семью и пятнадцатью целая пропасть. Кроме того, это случилось пять лет назад.
- А, точно... – Он вздыхает. – Прости. Я забываю, что ты в отпуске.
- Все нормально. Мозг копа никогда не уходит в отпуск. Есть основания подозревать семью?
- Ни малейших. Мы всё еще ведем допросы.
- Я полагаю, ты уже проследил всех зарегистрированных насильников в этом районе? И тех, кто на условно-досрочном? Всех со склонностью к девушкам такого возраста и подобным преступлениям?
- Уилл странно глядит на меня.
- Ты действительно хочешь об этом говорить?
- Это мое единственное хобби. – Пожимаю плечами, пью пиво. – Возможно, ей манипулировали. Или затянули в какую-то грязь без ее ведома.
- Хочешь сказать, вроде наркотиков? Она выглядит чистой, как стеклышко.
- Возможно, секс. Кто-то может ее контролировать.
- Брата ее матери обвиняли в изнасиловании, но это было тридцать лет назад. Может, это быть папаша Кэмерон?
- Такое случается. – Я подаюсь к Уиллу и не могу не заметить морщинки вокруг его глаз. Ему отчаянно нужен прорыв, и я ему сочувствую. Я отлично знаю, что он сейчас тянет. И как это тяжело.
- Она приемная. Это может что-то значить?
- Он бросает это слово, как еще одну мелочь, которую стоит обдумать, но для меня оно ближе, чем хочется. Кэмерон могла бороться с классическими проблемами приемного ребенка, проверяя любовь родителей на прочность. Или у нее могли быть целые слои эмоциональных шрамов, трудности с идентичностью, привязанностью и личными границами или тенденции к саморазрушению.
- Возможно, – я стараюсь выдерживать ровный тон, – если у нее есть проблемы. Но ты только что сказал, что она чиста, как стеклышко.
- Я знаю. Блин... – Уилл долго и громко выдыхает, потом машет бармену принести счет.
- Надеюсь, ты скоро отыщешь след.
- Я тоже. – В его словах не слышно убежденности. – Хочу тебе кое-что сказать. Я начинаю по-новому ценить папу. Теперь я понимаю, какое напряжение он испытывал, когда не мог все исправить. И ощущение неудачи. – Его вздох несет груз поколений, как каждая ракушка вмещает в себя целый океан. – Все ждали, что он вернет им ощущение безопасности. Но он так и не смог.

Уилл говорит о Дженни Форд. Мы оба говорим о ней, не упоминая ее имя.

– Ты уже видела Калеба? – внезапно спрашивает Уилл.

– Что? Калеб здесь?

– Он вернулся почти год назад, когда скончался его отец. Калеб унаследовал все, распродал все картины. У старого мерзавца были миллионы.

– Правда? – вызываю в памяти образ Джека Форда, эксцентричного отшельника, которого я знала: в запачканных краской джинсах и фланелевой рубашке, с кривой стрижкой, будто он подрезал себе волосы кухонным ножом. Миллионер? – Он мне никогда не нравился.

– Мне тоже. Что-то с ним было неладно. Знаешь, он так и не женился во второй раз.

– Неудивительно... Не думаю, что он был полезен людям. Как Калеб?

– Вроде нормально, учитывая обстоятельства. Я редко его вижу.

– Я думала, он никогда сюда не вернется. В этом городе для него слишком много боли.

– Наверное, и для нас тоже. И все же мы здесь.

* * *

Рассчитавшись по счету, выхожу за Уиллом из бара на тихую улицу, где в свете фонарей сверхъестественно сияют «Время и дева», такие же загадочные и завораживающие, как и раньше.

Уилл останавливается посреди тротуара, моргает.

– Рад снова видеть тебя, Анна. Это был не лучший год. Не стану врать.

– У меня тоже. – Быстро обнимаю его, удивляясь комку в горле.

– Веди машину осторожно.

– От одного пива не опьянеешь.

– Правда? Повторяй себе это всю обратную дорогу.

Его машина припаркована рядом с моей. Я знаю, у него еще есть работа, но чувствую: он почему-то тянет время. Может, просто ощущаю его тревогу за девушку, а может, это чистая неприкаянность. Все рассказы о его безупречной семье могут быть выдумкой. Или с его браком все отлично, но он сошел с рельсов в чем-то другом. Уж я-то знаю, как быстро может предать тебя твоя собственная жизнь.

Открываю дверцу и успеваю устроиться за рулем «бронко», когда Уилл подходит ближе, грустный и незащитный. Он долго смотрит на меня, и внутри начинают тихонько гудеть опасения. Он что, собирается меня поцеловать?

Но я ошибаюсь.

– Рад, что ты вернулась. Даже если ненадолго. В такое время, когда мир слетает с катушек, здорово иметь рядом друзей.

Конечно, он прав. Я вернулась домой не ради этого, но он абсолютно прав.

Глава 9

Через пять дней после исчезновения Дженни двое рыбаков нашли ее тело в реке Наварро, настолько разбухшее и обезображенное, что офису коронера пришлось подтверждать ее личность по медкарте стоматолога.

Хэп отвел меня в лес, чтобы рассказать об этом. Я еще ни разу не видела, чтобы он потерял самообладание, но Хэп явно был близок к этому, когда взял меня за руку.

– Анна, я всегда говорю с тобой откровенно, правда? – спросил он дрожащим голосом.

У меня пересохло во рту. Земля под кроссовками куда-то покатилась, но Хэп продолжал говорить, объясняя, как рыбаки наткнулись на останки Дженни на глухом участке реки. И что иначе, возможно, ее тело никогда не нашли бы. Она не утонула. Ее задушили.

Мне хотелось, чтобы Хэп замолчал, настолько тошнотворным был его рассказ. Но я знала, что он не остановится. Если Хэп действительно собирался защитить меня, он не мог ничего скрывать.

– Кто это сделал? – мой голос, казалось, отскочил от деревьев и рухнул на мои колени подобно камню.

– Мы пока не знаем.

– Шериф Флад его поймает?

– Надеюсь, что да.

– Как человек может такое сделать? – спросила я, хотя уже знала ответ. Я видела разных людей, скрученных болью и обстоятельствами. Людей, которым причинили такую сильную и глубокую боль, что им хотелось сделать то же самое с кем-то другим.

– Дженни была такая юная... – Я плакала, в рот текли горячие слезы. – Ей даже не дали шанс стать взрослой.

– Анна, в жизни есть смерть и есть другие вещи, которые невозможно вынести. И все же мы их выносим.

Я знала, что он прав, но отдала бы все, только бы услышать другой ответ. Если б только Хэп мог пообещать, что такого больше никогда не случится, что я никогда не умру, и что они с Иден тоже не умрут... Что мы будем вместе, в безопасности от любого вреда, от ужасных вещей и людей, которыми полон мир... От людей, настолько уродливых изнутри. Людей, способных убить семнадцатилетнюю девушку и оставить ее в реке. Как мусор.

– Как же мы их выносим? Эти невыносимые вещи?

Его ладонь была спокойной и теплой, она была теплой, уверенной и живой. Он не сдвинулся ни на дюйм.

– Вот так, милая.

* * *

В следующие дни я выбираюсь в леса, с рюкзаком и без особой цели. Хэп научил меня, как отыскивать тропы и идти по ним, даже совсем заросшим, и как путешествовать по лесу вообще без троп. Ничто другое не успокаивает разум так эффективно. Красота живого мира: папоротники курчавятся по дну лощин влажным кружевом. Горчичного цвета лишайники и бородастый мох пятнают, как краска, темные камни и стволы деревьев. Полог леса над головой, как карта на небе.

Однажды я углубляюсь на четыре или пять миль в заповедник Джексона, пересекаю пустынную сельскую дорогу и выхожу к реке на юге от городка. Русло узкое и мелкое, выложенное мшистыми камнями. У меня с собой катушка тонкой лески и несколько крючков с мухами. Я пытаюсь поймать одну из бледных форелей, мелькающих в тени. Но они слишком

осторожны, а мне скоро становится жарко. Я сдаюсь, раздеваюсь до белья и захожу в заводь. Над головой в косом свете золотистым туманом крутится сосновая пыль. Вода обтекает кожу, как прохладные шелковые ленты. Я чувствую, как пульс замедляется. Вот оно. То, что Хэп называл лекарством.

На обратном пути лезу прямо через хребет, исключительно ради нагрузки. Местами склон настолько крутой, что приходится карабкаться на четвереньках через серые лишайники, папоротники и чернозем. Делаю частые и резкие вдохи, на лицо налипли сосновая пыль и светящаяся пыльца.

На гребне останавливаюсь выпить воды. Я запыхалась, немного кружится голова. Здесь лежит болиголов, похожий на сраженного великана; его стебель как влажная черная губка. На том месте, где жестоко выдернули его корни, вижу три длинные борозды на земле и звериный помет – похоже, пумы. Когда наклоняюсь поближе, на краю зрения что-то мелькает. Не животное, а нечто неподвижное. Какое-то укрытие.

Хотя солнце начинает садиться и между лопатками поселился холодок, я спускаюсь по склону: слишком любопытная находка, чтобы не разглядеть ее вблизи. На спуске приходится отклоняться назад, чтобы удержать равновесие. Слой почвы здесь тонкий, сплошной перегной. Сухой папоротник жалит руки и цепляется за джинсы, но в конце концов я добираюсь до маленького убежища. Кто-то устроил здесь ловушку из руководств по выживанию: упер в ободранную пихту Дугласа¹¹ шестифутовый шест, а потом приделал к нему через равные интервалы проволочные силки. Это должно работать. Чешуйки шишек и прочий лесной мусор у основания пихты укрывают вытоптанное место, силки легко переставляются. Эффективное устройство, даже элегантно. Кто бы это ни смастерил, он точно знает, что делает, и не останется без еды.

Укрытие демонстрирует тот же уровень искусственности, и во мне начинают тихонько позвякивать тревожные колокольчики. Оно не похоже на охотничью хижину: его коническая форма напоминает старые фотографии коренного населения, вроде племени помо. Они жили небольшими группами по всей Северной Калифорнии за сотни лет до европейцев, и их дома выглядели очень похоже: округлые у основания, с шестью, поддерживающими скошенные стены, связанными вместе и накрытыми корой и древесиной секвойи.

Однако кто будет прикладывать столько усилий, чтобы соорудить убедительную копию хижины помо? И почему так далеко от города, от любого подобия дороги? Это работа какого-то свихнувшегося выживальщика, который думает, что близок конец мира? Человека, который таится, потому что ему есть что скрывать? Или же это мои мозги копа перебирают мрачные варианты, когда на самом деле это просто любитель леса вроде нас с Хэпом, которому времени требуется покой лесов, чтобы почувствовать себя целым?

– Эй? – окликаю я, подавшись вперед, но получаю в ответ только давящую тишину.

* * *

Я не езу в Мендосино до тех пор, пока у меня не заканчиваются припасы. Это происходит первого октября. Свет начинает меняться вместе со временем года, заостряя углы и тени. Каждый солнечный день встречаешь с благодарностью. Сегодня день прохладный, но ясный, с той суровой свежестью, которую приятно ощущать. Закончив с покупками, я закидываю продукты в машину и решаю немного пройтись. В Ротари-парке разбила лагерь мужчина и женщина; они сидят у складного столика рядом с маленькой потертой палаткой. Рядом устроился средних размеров пес с темной мордой и рыжеватой шерстью. Он замечает меня и скидывает голову, будто мы друзья. Потом подбегает рысью и пристраивается рядом.

¹¹ Пихта Дугласа – вечнозеленый вид хвойных деревьев, также известен как орегонская сосна или колумбийская сосна.

Сначала это забавно – то, как быстро он подлаживается под мой шаг. Я останавливаюсь, поднимаю руку, как регулировщик движения – «стой!» – но он игнорирует жест. Я делаю шаг, и он делает шаг. Я смеюсь, и он садится. Похоже, мы – участники комедийного шоу, хотя на нас никто не смотрит, даже пара хиппи в парке.

Я иду к ним.

– Эй, вы не могли бы придержать вашу собаку?

– Она не наша, – говорит женщина. Ей может быть тридцать или пятьдесят, на лице морщины от солнца, торчащие светлые волосы напоминают пух утенка. Толстовка с эмблемой «Сихокс»¹² свисает до середины бедра поверх длинной юбки с принтами. – Первый раз ее видим.

Парень рядом с ней выглядит так, будто не покидал улиц со времен «Лета любви»¹³. Через плечо перекинута сидящая косичка, небрежно заплетенная, но чистая. Серебряный зуб подмигивает, когда он говорит:

– Но собака умная.

– Откуда вы знаете? – у меня никогда не было собаки.

– По глазам видно. И, смотрите, она слушает.

– Она?

Еще одна улыбка с серебряным проблеском.

– Вы точно не любительница собак.

Я, внезапно очарованная им, смеюсь.

– А вы можете просто придержать ее, чтобы я ушла отсюда?

– Без проблем. – Он указывает на землю, и собака садится, ожидая следующей команды.

Когда он поднимает ладонь параллельно земле, собака опускается на живот. На тыльной стороне его левой руки я замечаю штук пять крестиков в круге.

– А что означает ваша татуировка? – спрашиваю, указывая на нее.

– Уроки. – Его зрачки такие черные, что кажутся мультяшными. – Вещи, которые не следует забывать.

Женщина говорит:

– Не верьте его байкам. Однажды он заявил, что эти крестики означают людей, которых он убил в битве. Давайте, спросите его, в какой.

– В какой битве? – подыгрываю я.

– При Ватерлоо.

¹² «Сизтл Сихокс» – профессиональный клуб по американскому футболу, выступающий в Национальной футбольной лиге.

¹³ «Лето любви» – уникальный феномен культурного, социального и политического молодежного бунта; лето 1967 года, когда в квартале Сан-Франциско под названием Хейт-Эшбери собралось около 100 000 хиппи, чтобы праздновать любовь и свободу.

Глава 10

Иден была первым встреченным мной человеком, который верил в прошлые жизни. До этого я сталкивалась с множеством образчиков различных религий из разных мест: от мормонов и пятидесятников до пресвитериан, не особо убежденная никем из них. Но вселенная Иден была больше и намного сложнее, чем я когда-либо слышала, и более интуитивной. Для нее реинкарнация была очевидным продолжением идеи цикличности жизни. Всей жизни. Все крутилось в постоянно движущемся колесе рождений, роста и разложения: океан вокруг нас и Млечный Путь над нами, и все галактики за пределами нашей, бесчисленные, как папоротники, росшие по краю дороги. Бог был не где-то там, в некоем небесном королевстве, а здесь, в мире: в комке грязи и капле росы, в терпении паука, живущего за банкой с сахаром, в изящных нитях его паутины. Как набегающая волна на Португальском пляже не могла остановиться, так и смерть не была концом. Иден нашла в этом покой, но мне пока не удавалось.

* * *

После того как нашли тело Дженни, расследование затянулось на месяцы. Эллис Флад и его люди допросили полгорода – по крайней мере, так казалось, – пытаясь докопаться до дна тайны. Ее отца и Калеба, всех друзей Дженни, людей, с которыми она работала на винограднике в Бунвилле. Джек Форд был первым подозреваемым. Он был странным, и всегда таким был, к тому же многие знали, что он слишком много пьет. Помимо жены, которая сбежала от него неизвестно куда, когда Калебу и Дженни было шесть, он мало с кем был близок, включая собственных детей. Не раз я видела, как Калев вздрагивает, когда Джек зовет его по имени. Но это было не доказательство. Эллис Флад не нашел ничего на Джека, и поиски продолжились.

Дженни, как оказалось, вела дневник, который нашли, когда полиция обыскивала ее комнату. В основном страницы были заполнены загадочными поэмами и текстами песен, но в последние месяцы перед ее смертью было порядочно записей о том, что ей хочется уйти из дома, как ушла ее мать – без единого слова. Жизнь была невыносимой. Она не могла тут оставаться. Не могла больше этого выносить. Таков был общий тон ее записей, но ничего конкретного о гнете или страхах, ничего о том, почему она так отчаялась именно сейчас, когда в любом случае совсем скоро уедет в колледж. Был в этом смысл или нет, однако в целом теории сводились к тому, что Дженни решила сбежать той ночью, когда исчезла, но вместо отзывчивого водителя наткнулась на своего убийцу. Что же касается личности убийцы, тут у следствия не было ни единой зацепки. Он мог быть перекаати-полем, проезжавшим мимо, или все еще находился здесь, прячась у всех на виду.

Соседи перестали цепляться языками на улице. Хэп и Иден никогда не запирали дом на ночь, но теперь делали это, как и все остальные. Служебный пистолет Хэпа, который тот обычно запирал в ящике в машине, сейчас по ночам лежал на столике у кровати. Чувствовала ли я себя от этого безопаснее? Немного, возможно, но очертания мира разом изменились, сменили форму – и не только для меня. Офис шерифа начал настаивать на девятичасовом комендантском часе для всех младше восемнадцати. В любом случае никому не хотелось оставаться на улице после наступления темноты. Те дни ушли навсегда, как костры на пляже или прятки на утесах. Как раз тогда, когда я начала верить, что могу рассчитывать на них.

* * *

Дом Фордов, обветренный новоанглийский дом – два этажа спереди, один сзади, с пристроенной студией, оба здания скошены в сторону утесов и океана, – стоит в дальнем конце Келли-стрит. Кaleb когда-то говорил мне, что его построил один из основателей городка, и то один, то другой его потомок жили здесь с 1859 года, во что нетрудно поверить, глядя на здание. Когда Джек Форд был жив, он не прикладывал ни малейших усилий, чтобы дом хорошо выглядел, и теперь, много лет спустя, эта запущенность по-прежнему видна повсюду: в облупившейся краске на желобах и черепице, в потрепанной гаражной двери, во дворе, заросшем травой и чертополохом. Как будто Джек все еще здесь, приглядывает, чтобы ничто не выросло, не изменилось и не сбежало от него.

Джека в деревне всегда считали эксцентричным. Художник, работавший с маслом и большими холстами, он редко покидал свою студию. У него было мало друзей – похоже, он просто не умел вежливо разговаривать с людьми. Всякий раз, когда я появлялась здесь в поисках Калеба и наткалась только на Джека, я испытывала странное и неплохо знакомое мне чувство. Нет, он ничего особого не говорил и не делал. Просто от него исходили волны, отбрасывающие меня в прошлое, к тем заперттым моментам, которые я оставила позади, к тем людям, о которых я никогда не говорила.

Сейчас, когда я бреду по Келли-стрит к дому, то не знаю, зачем иду туда или что надеюсь почувствовать. Может, дело в словах Уилла о съехавшем мире и старых друзьях рядом. А может, я так и не примирилась окончательно со смертью Дженни и хочу постоять у ее двери в последний раз, даже если она не может открыться.

Я едва дохожу до ворот, все еще прокручивая в голове вещи, которые пытаюсь объяснить самой себе, когда дверь студии открывается и оттуда выходит мужчина. Высокий, крепко сложенный, в комбинезоне художника, заляпанном белой краской. Серая футболка под комбинезоном открывает загорелую шею, широкие плечи и грудь, крупные руки. Ничто в нем не напоминает о тощем смышленном мальчишке, которого я когда-то знала.

– Кaleb?

Его голова дергается вверх, взгляд расфокусирован.

– Я Анна. Анна Харт.

Он озадаченно подходит к забору, потом узнает меня.

– О Господи... Анна. Какого черта ты тут делаешь?

– Просто заехала. – Я краснею, сбита с толку. Кажется, годы между нами сжимаются и расширяются. – Я столкнулась с Уиллом Фладом, и он сказал, что ты вернулся в город. Как ты?

– Нормально, да. – Он качает головой. – Ничего себе. Анна Харт...

– Давно не виделись.

Кaleb пожимает одним плечом, волосы по-мальчишески падают на лоб.

– Да уж.

– Слушай, у тебя есть время посидеть где-нибудь, может, выпить? – спрашиваю я, сама не зная, что собиралась это сказать.

– Конечно, – нерешительно говорит он. – Давай я приберусь здесь, и встретимся чуть позже?

– Я могу прихватить упаковку пива и ждать тебя на утесе.

– Конечно, – повторяет Кaleb. – Давай.

* * *

Через пятнадцать минут мы сидим на плотном уступе над Португальским пляжем и пьем из банок «Курс»¹⁴. Середина дня, и свет ложится косо. В пятидесяти футах под нами кромка воды, песочники¹⁵ носятся взад-вперед на тонких лапах, когда волны накатываются и уходят. По какой-то причине все это успокаивает меня и в некоторой степени смягчает. Когда мы были юными, то сотни раз сидели здесь, иногда с краденым пивом. Я скучаю по тем годам. По тем детям.

– По-моему, ты еще училась в школе, когда я уехал, – спустя какое-то время говорит Калеб. – Я пару лет бродил там и сям, потом записался во флот. Я был просто счастлив убраться отсюда, даже когда пришлось отправиться в Персидский залив.

– Иран? Наверное, нелегко было...

– Временами. Я был там в семьдесят девятом, во время Исламской революции. Жестковато, зато океан потрясающий, не то что эта чертова лужа. – Он улыбается. – Я научился там прыжкам в воду. Устрицы размером с гребаный грейпфрут. А рифы просто охренительные. А что у тебя?

– Провела полгода в университете Сан-Фран, потом бросила. Немного поехала. Какое-то время водила пешие туры в Йосемите.

– Прикольно.

– Да, поначалу было здорово, но со временем стало сильно походить на летний лагерь.

– Ты не хотела стать лесничим?

– Я думала об этом, но полицейская работа казалась важнее. Едва я поступила в академию, как забыла обо всем остальном. Я с самого начала интересовалась пропавшими людьми. Это казалось самым прямым путем делать что-то хорошее. Ни разу не выезжала за пределы Залива.

– Пропавшие люди, а? – с удивлением переспрашивает Калеб. – Так ты приехала, чтобы помочь найти эту старшекласницу?

– Нет. – «Пока нет», – добавляет мой мозг, но я держу эту мысль при себе, тревожась, что ступаю совсем рядом со старыми переживаниями, и боясь подозвать Дженни еще ближе. – Просто у меня передышка.

– А, это хорошо. – Он говорит, будто и вправду так думает. – Рад за тебя.

– Спасибо.

Солнце садится быстро, пачкая линию облаков. Внизу чайки прочерчивают линии над зыбью, бодрые и свободные.

– Это место, – тихо произносит Калеб, будто читает мои мысли.

– Знаю.

¹⁴ «Курс» – популярный в США сорт светлого пива.

¹⁵ Песочники – род птиц семейства бекасовых.

Глава 11

В один особенно паршивый год, когда за несколько месяцев мне пришлось иметь дело с тремя мертвыми детьми, Фрэнк Лири отправил меня к психотерапевту.

– Это не наказание, – сказал он. – Просто таков протокол, Анна. Тебе было нелегко.

– Со мной все отлично.

– Очень хорошо. Пусть и дальше так будет.

Психотерапевта звали Королла, как модель «тойоты». Ее офис располагался в Эмбаркадеро, с видом на Бэй-бридж. Из ее окна можно было разглядеть только металлический осколок моста, ерунду размером с зубочистку, если собираешься заряжать цену. У нее было кресло Имзов¹⁶ и очки Салли Джесси Рафаэль¹⁷ в красной оправе; колени прикрывало кашемировое пончо, треугольный край которого свесился к сдержанному персидскому ковру, когда она положила ногу на ногу.

«И как это должно работать? – думала я. – Как мне рассказать этой женщине в пончо хоть что-то значимое? И с чего мне вообще рассказывать? Я хорошо справляюсь со своей работой, у меня отличный послужной список. Мы не спасли этих троих, но такое случается. Мы спасем следующих. Мы будем продолжать борьбу».

– У вас есть проблемы со сном? – спросила Королла, сбивая меня с мысли. – Кошмары?

– Не больше, чем обычно.

– А как насчет злоупотребления алкоголем? Вы когда-нибудь тревожились, что, возможно, пьете слишком много?

«Сколько это, слишком много?» – думаю я, но стряхиваю с себя тревогу и пожимаю плечами.

– Послушайте, на самом деле я не верю во все эти терапевтические беседы. Не обижайтесь. Я пришла не по собственному желанию.

– У меня много клиентов, которым нужно работать с травмой, – невозмутимо говорит она. – Я стажировалась на солдатах и боевых психотравмах. Многие вышедшие в отставку солдаты становятся полицейскими. Они думают, то, что они тогда видели и делали, давно зарыто, всё в прошлом. Они топят это прошлое. Глушат его. Проблемы в семье. Алкоголизм. Но потом происходит какое-то событие, которое запускает травму. И они ломаются.

– Зачем вы мне это рассказываете? Я никогда не служила в армии.

– Есть и другие виды боев, Анна. – Королла смыкает перед собой кончики пальцев, ожидая, когда до меня дойдет смысл. – При поступлении вы указали в документах, что воспитывались в приемной семье. И у вас есть братья и сестры. Что с ними случилось?

– Это не имеет никакого отношения к моей работе.

– Возможно. Это зависит от того, насколько ваша работа соотносится с вашим прошлым. С тем, что вы уже перенесли. Вы можете рассказать мне о своих родителях? Вы их помните? Почему они не смогли позаботиться о вас?

Скорострельные вопросы, но слишком хорошо заряженные. Я поерзала в слишком мягком кресле, желая, чтобы наше время уже истекло, – но мы едва начали.

– Я не хочу об этом говорить. В любом случае, если я выверну перед вами душу, не понимаю, чем это поможет мне в работе. Мне будет только хуже.

– На самом деле такой разговор может принести облегчение. Вы это не обдумывали?

¹⁶ Кресло Имзов – кресло из гнутой фанеры и кожи, спроектированное знаменитыми архитекторами и дизайнерами Чарльзом и Рэем Имзами в 1956 г., позволяет глубоко откинуться назад.

¹⁷ Салли Джесси Рафаэль (наст. Салли Ловенталь, р. 1935) – американская актриса и ведущая телевизионного ток-шоу; большие очки в красной оправе были неизменным атрибутом ее образа.

– Нет.

Длинная пауза, пока Королла рассматривает меня.

– Анна, люди эластичны. Я не сомневаюсь, что вы потрясающий специалист в своем деле. Вы очень хорошо управляетесь с ним. Возможно, даже чуть лучше, чем нужно.

– И что это должно значить? – я начала тяжело дышать, плечи напряжены и зажаты.

– Что тактика «вбирать все в себя» работает только короткий срок. Вы, возможно, думаете, что можете сколько угодно времени продолжать в том же духе. Но то, что вы переживаете, в действительности никуда не девается. Оно копится внутри и начинает делать свое дело. А ведь еще та старая травма, с которой вы так и не пришли к согласию... Бронированных людей не бывает. Если человек просит о помощи, это не значит, что он слаб.

«Слаб? А это еще откуда?»

– У меня все отлично. Спросите любого, с кем я работаю.

Ее взгляд пробежал по моему лицу.

– Если вы не хотите беседовать, мы можем рассмотреть другие способы помочь вам работать с травмой. Некоторые мои клиенты занимаются йогой или тай-цзи¹⁸ или ведут дневник. Я просто пытаюсь предложить вам инструменты. – Она отложила блокнот и сняла очки. – Какой момент вашей жизни был самым мирным, когда вы больше всего были собой?

– Что?

– Ваше самое счастливое место?

Я понятия не имела, к чему она ведет этими вопросами, но единственным возможным ответом был Мендосино.

– Не все воспоминания о нем хороши. Но это дом.

– Хорошо. – Королла взяла очки в руку и посмотрела в окно, на сетку проводов, на небо. Потом закрыла глаза. – Я хочу, чтобы вы каждый день мысленно отправлялись в Мендосино, рисовали его в себе. Представляли его, пока он не будет завершен, весь город, как вы его помните. Затем, когда соберется весь образ – именно так, как вам хочется, – я хочу, чтобы вы начали строить дом, очень медленно, доска за доской. Достаточно большой дом, чтобы в нем поместились все, кого вы потеряли, все, кого вам не удалось спасти.

По моему телу пробежал холодок. Я уставилась на нее. Что она за человек, если может говорить такое? Какую вела жизнь, если может сидеть в одной комнате с незнакомцем и без страха закрывать глаза?

– И чем это упражнение поможет?

– Это способ встроить в себя то, что с вами случилось. Целебная мысль.

Целебная мысль? Это что, цитата из какого-то учебника для психотерапевтов?

– Таких больших домов не бывает.

– Это ваш дом, ваш разум. – Ее лицо смягчилось. – Он может быть настолько большим, насколько нужно. Покрасьте комнаты в яркие цвета. Впустите в них свет. И когда все будет, как должно, нарисуйте, как они входят в этот дом, все вместе, счастливые и радостные. Все эти дети, которые заслуживали лучшей судьбы.

Я почувствовала, как в груди что-то задрожало и рухнуло. Если б Королла замолчала хоть на минуту, я смогла бы перезапуститься. Но она не замолкала.

– Суть не в том, *что* вы перенесли, а в том, как вы сможете научиться с этим жить. Анна, вам нужно вылечить себя. И себя-ребенка тоже. Сделайте для нее комнату. Отыщите способ впустить ее туда.

¹⁸ Тай-цзи – один из видов китайского боевого искусства, практикующееся как оздоровительная гимнастика для улучшения физического и психологического здоровья.

Глава 12

Расставшись с Калобом, я возвращаюсь в домик, разогреваю банку жаркого и ем его над раковиной, потом наливаю в стакан на два пальца «Мейкер'с марк»¹⁹ и мельком ловлю свое отражение в оконном стекле. Растрепанный хвост, мятая термофутболка, джинсы, не стиранные уже пару недель. Калоб вежливо не упомянул все это при встрече, но у меня явно период «Зова предков».

Я бодрствую сильно за полночь, пью и смотрю в огонь, пока в какой-то момент не засыпаю на шершавой клетчатой кушетке в гостиной. Приходят сны, которых я не хочу. О которых не просила. И сны ли это?

Я в лесу на узкой тропе с Иден. Она идет впереди, на ней одна из тяжелых рабочих курток Хэпа. Плечи сильные, расправленные. Значит, она не больна. Еще не больна.

– Анна, смотри сюда. Мне это показала одна шаманка. – Указывает на дерево, которое выгнуто вбок, как будто у него есть поясница и оно вглядывается в жирный, влажный перегной. «Погоди».

– Ты знакома с шаманкой?

– Это знаковое дерево. – Она слышала мой вопрос? – Стрела. Помо сотни лет назад передавали таким способом послания. И видишь, мы только что его получили.

– Какое послание?

Потом Иден исчезает; вместо нее со мной Хэп, старше, чем я когда-либо видела его при жизни. Согнутый, как дерево, почти вдвое. Сгорбился над тропой.

– Ничего особенного. Просто бедро, – говорит он, будто слышит мои мысли и знает, что я о нем тревожусь. – Пойдем. Нам нужно сделать это вместе. Мы почти пришли.

Куда? Я пытаюсь шагнуть к нему, но почему-то застряла на месте, как приклеенная.

«Мне тебя не хватает, – пытаюсь произнести я. – Я не могу справиться в одиночку».

– Почти пришли, – повторяет Хэп. Но не двигается.

Вокруг нас туман, такой плотный, что каплет с деревьев. На тропе, рядом с влажным носком моего ботинка, я вижу бананового слизня, желто-зеленого, толстого и скользкого.

– Сегодня все пьют. – Хэп снова слушает мои мысли и легонько посмеивается. – Вот оно. Смотри.

Это то же самое знаковое дерево, но ветви указывают вниз, на раненую олениху. Ее шкура разорвана чем-то ужасным, живот разгрызен, и я вижу, как внутри тела дрожит сердце размером с кулак, черное от крови. Из горла оленихи доносится звук, не человеческий и не животный, но принадлежащий обоим – звук глубокой, невыносимой боли.

«Ох, Хэп. Сделай что-нибудь».

– Я не могу, но *ты* можешь. Она совсем как ты, милая. Вот как ты ее найдешь.

Потом олениха исчезает. Подстилка леса коричневого цвета, с иголками секвойи, прохладная, сплошная и ровная. Хэпа нигде не видно, но я слышу его; его слова проходят сквозь меня, как самый первый звук, как шум моря в раковине, целый лес в одной ветке.

– Не бойся. Ты поймешь, что делать. Просто следуй за знаками.

«Что? Нет. Вернись!».

– Анна, милая... Вот почему ты здесь. Открой глаза.

¹⁹ Марка бурбона (американского виски).

* * *

Я просыпаюсь с гудящей головой. Язык сухой и распухший. Мне уже давно снятся яркие сны. Рано или поздно это случается со всеми полицейскими. Но от этого сна остается похмелье, которое не имеет ничего общего с «Мейкер'с марк».

Я забираюсь под душ и долго стою под текущей водой. Жду, когда гул в голове уляжется, но он не хочет. Меня накрывает волна тошноты, и я опускаюсь на пол, обнимая колени, а вода занавешивает меня горячим дождем. Я чувствую странную ноющую боль внизу живота, ощущение, которое сбивает с толку, пока я не улавливаю слабый запах железа. Замечаю струйку крови, текущую между ног и дальше, в слив, бледно-розовую, слабую. Мой цикл вернулся.

Пока медленно проходил мастит и груди начинали возвращаться к норме, я пыталась забыть о своем теле, но оно, похоже, все помнит. Как я кричала в тот день чужим голосом. Как Брендан твердил мне, что «скорая» уже едет, будто это еще что-то значило.

Соседка, Джоан, не отходила от меня. У нее было белое лицо, абсолютно бескровное. «Мне так жаль», – все время повторяла она. Но я не могла ей ответить. Потом надо мной стояли медики из «скорой»; мои джинсы липли к ногам, влажные и холодные. Внутри них я чувствовала себя мертвой. Мне нужно было выпустить тело, но я не могла разжать руки. Издалека я слышала детский плач. Один из медиков все время повторял мое имя, которое почему-то звучало абсурдом.

Мокрая, дрожащая, я ощущаю все это с ужасной непосредственностью: тяжесть вины, боль Брендана, сомнения Фрэнка, руины моей жизни вдали, будто горящий город. Я надеялась, Мендосино поможет мне исцелиться и забыть. А вместо этого он оказался полон призраков и следов. Посланий, которые нетерпеливо ждали меня.

Хэп в моем сне о раненой оленихе. «Она совсем как ты, милая. Вот как ты ее найдешь». Затравленный взгляд Кэмерон на листовке о пропаже. Ее крик о помощи, который я не могу заглушить даже на минуту, как ни стараюсь.

Поднимаюсь. Колени трясутся так сильно, что мне больно. Я только приехала сюда. Я даже близко к подобному не готова. Но это неважно. Зеркало в ванной затянута влажной пленкой. Все, кроме небольшого круга, и в его центре – мое лицо. Каждый знак говорит об одном.

Мне назначено найти Кэмерон Кёртис.

Часть II Тайные вещи

Глава 13

4 июля 1970 года все патрульные машины департамента шерифа выстраивались на Мейн-стрит на парад, к фейерверку на утесе. Мне было двенадцать, я ждала своей доли бенгальских огней, которые шериф Эллис Флад раздавал всем ребятам. У него в кабинете стояла целая коробка, включая дымовые бомбы, фонтаны и даже ракеты с надписью «Не держите в руках после того, как подожгли фитиль» на боку оранжево-синей коробки – как будто нам нужно было об этом говорить. Хотя, возможно, нужно было.

Мне всегда было неуютно во время праздников. Празднование обычно подразумевало для меня хаос, а взрослые, которые всем руководили, были рассеянными и сумасбродными больше обычного, позволяя себе оттянуться.

...Рождественским утром, когда мне было восемь, я рано проснулась в нашей квартире в Рединге и обнаружила, что моей матери нет не только в кровати, но и вообще дома. В гостиной, под пластиковой елкой, которую мы поставили неделю назад, на месте подарков была только скомканная простыня. Гирлянда осталась включенной на ночь и теперь разбрасывала мигающие радужные яйца по полу и стенам. На кофейном столике рядом с переполненной пепельницей из пластикового пакета высовывались три красно-белых носка, всё еще с этикетками из магазина.

Я только начала собирать все части вместе, когда дети выбрались из своей комнаты, и мне пришлось быстро соображать.

– Санта приходил? – спросил Джейсон. Он был в футболке с Капитаном Кенгуру²⁰, без штанов, и прижимал к себе Фредди, плюшевого гепарда.

– В этом году он сильно занят, – торопливо ответила я. – Наверное, придет следующей ночью.

– А где Робин? – Эми вытащила изо рта большой палец, чтобы задать вопрос, потом быстро засунула его обратно, оглядывая комнату, пока я мягко подталкивала ее в спину.

– Помогает Санте. Пошли, давайте поедим.

Джейсон и Эми были моими сводными братом и сестрой, четырех и пяти лет от роду. Ирландские близняшки, так их звала моя мать, хотя я понятия не имела, что она имеет в виду. Их собственная мать, Триш, всегда была немного не в себе и давно не заходила их поведать. Наш папа, Ред, отбывал срок за вооруженное ограбление винного магазина. Он был в лыжной маске, но снял ее, как только вышел на улицу, а там были свидетели.

– Вот идиот, – не раз приговаривала мать после вынесения приговора. – Он бы обеими руками собственную задницу не нашел.

Я давно научилась соглашаться с ней и не усложнять жизнь. К счастью, она любила детей, даже наполовину чужих, и не заботилась о Триш. В любом случае большую часть работы по дому делала я. Мы жили сами, вчетвером, уже много месяцев, и все шло нормально. Мне позволяли готовить с пяти или шести лет, и за все время не было ни одного происшествия, даже обожженного пальца.

²⁰ «Капитан Кенгуру» – американский детский телесериал, который транслировался на американском телеканале CBS с 1955 по 1984 г.

– Ты хороший помощник, – не раз и не два говорила мама, и всякий раз мне казалось, что из-за большой мрачной тучи выходит солнышко.

В то утро я подтащила стул к плите, чтобы приготовить яичницу-болтунью, и размешивала яйца на сковородке деревянной ложкой, пока они не прожарились как следует. Иначе Эми отказывалась их есть.

У Эми были очень светлые волосы. Когда она тревожилась, то засовывала их кончики в рот и сосала вместе с большим пальцем. Сейчас она так и делала.

– Где Робин? – снова спросила Эми.

– Я же говорила, она помогает Санте. Пей свое молоко.

– Я хочу еще есть, – сказал Джейсон. – Можно мне печенье?

– Тебе хватит. – Я уже проверила наши запасы еды. Однажды, прежде чем дети переехали жить к нам, мама вышла в магазин за сигаретами и не возвращалась два дня. Я ела хлопья, пока у меня не закончилось молоко. Но сейчас придется быть сообразительнее. – Держи, – я подсунула Джейсону остатки своей порции. – Сейчас мы оденемся и пойдем играть на улицу.

– А ты не идешь в школу? – спросила Эми.

– Нет, лапа, сегодня же праздник. И хватит задавать вопросы.

Весь тот день мы играли во дворе нашей многоэтажки: в прачечной – отличное место для прятков – и в бассейне, который осушили в конце лета. Мы ели бутерброды с сыром в зарослях камелии, а потом строили волшебный сад из камней, прищепок для белья и всего, что нашли. Хорошая игра, потому что она заняла нас надолго. Всякий раз, когда кто-то из детей спрашивал, скоро ли мы пойдем в дом, я говорила им немного потерпеть. Рождество в этом году задержалось из-за снежной бури на Северном полюсе, поэтому Робин и пришлось помогать Санте.

Все шло гладко, как во сне, пока одна из наших соседок, Филлис, не вышла со своим чихуа-хуа, Бернардом. Она остановилась, обозревая нас с таким видом, будто мы даже дышим неправильно.

– Где ваша мать?

– Спит, – ответила я, бросив взгляд на детей, который означал, что им не следует перебивать меня.

Джейсон кивнул и потянулся к Бернарду, который, дрожа, отскочил в сторону. Этот пес не любил людей, особенно детей, но Джейсон просто не мог удержаться.

Филлис недовольно подхватила извивающегося питомца, продолжая тарашиться на нас.

– В Рождество?

Эми пискнула:

– А разве нельзя? Она устала.

В конце концов Филлис вернулась в свою квартиру, но продолжала выглядывать в щель между портьерами. Тем временем я сказала детям, какие они молодцы и как я ими горжусь. Это было правдой. Мои тревоги о матери уравнивали безопасность этого дня, легкость, с которой шла жизнь, если не считать встречи с Филлис. Свобода. У мамы был «забот полон рот», как она часто повторяла. Даже с продуктовыми карточками прокормить троих детей было непросто. Каким бы сумасбродным и капризным ни был Ред, он всегда находил способ рассмешить маму. Сейчас, когда его исключили из общей картины, ничто не мешало ей все глубже погружаться в колодезь уныния. Она была одинокой, усталой, а жизнь оставляла ее на обочине.

Однажды я обнаружила Эми в коридоре у двери в мамину спальню, откуда слышался плач. Мама не выходила из комнаты весь день.

– О чем Робин так переживает? – спросила Эми, когда я дала ей горстку печенек, чтобы отвлечь.

– О многих вещах. Ты не поймешь.

Глава 14

Уилл сидит в том же кабинете, где сидел его отец. Он поднимает взгляд от стола, когда я стучу, окруженный документами в круге белого света. На его щеках и верхней губе золотисто-рыжая щетина; взгляд усталый, но выжидающий. И удивленный.

– Анна? Привет. В чем дело?

– У тебя есть время поговорить?

– Ситуация сейчас довольно напряженная. Может, я позвоню тебе попозже?

– На самом деле я надеялась, что ты разрешишь помочь тебе с этим расследованием.

– Что? – Уилл часто моргает. – Ты серьезно?

– Очень.

Он наливает нам кофе в заляпанные керамические кружки, бросает туда по шепотке сухих сливок. Запах сладкий и химический, знакомый. Здесь все знакомо: бежево-серые пустынные стены, папки-регистраторы с торчащими записками и формами, свернувшиеся клейкие листочки и полузаполненные блокноты три на пять дюймов, разбросанные синие биковские ручки с пожеванными колпачками. Над столом Уилла висит лист оберточной бумаги с нацарапанными списками фамилий, мест и дат по делу Кэмерон. Рядом – еще одна листовка о пропаже человека, приколотая на уровне глаз.

ПОХИЩЕНА

Под угрозой ножа

Полли Ханна Клаас

Дата рождения: 03.01.81

Каштановые волосы, карие глаза

147 см, 36 кг

Видели последний раз: 01 октября 1993 года в Петалуме, Калифорния

Мой взгляд ловит – наталкивается, – и мысль ускоряется. Первое октября было вчера.

– Подожди. А это что такое?

Уилл встряхивает головой, словно желая выбросить из нее факты.

– Я понимаю, это сразу не переваришь. Я с рассвета на телефоне. Подозреваемый все еще на свободе. – Он протягивает набросок крепко сложенного мужчины средних лет.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

Белый мужчина 30–40 лет

Рост примерно 190 см, волосы темные/темно-серые

Бородатый, носит темную одежду,

на голове желтая бандана

Если вы располагаете какой-либо информацией об этом человеке,

ЗВОНИТЕ В ПОЛИЦИЮ ПЕТАЛУМЫ

707-778-4481

Сразу не переваришь? Я пришла, готовясь помочь, чем смогу, в поисках одной девушки, – и вот еще одна... Как будто где-то работает безумная крутящаяся дверца.

– Как это связано с нашим делом? Это может быть тот же парень, который похитил Кэмерон?

– Я вроде как на это надеюсь, – выдыхает Уилл. – На этот раз есть свидетели. Есть место преступления. С Полли были две ее лучшие подружки, когда он вошел в комнату. Они слышали его голос. Видели его лицо.

Чем дальше я слушаю подробности, тем сильнее становится чувство, что я погружаюсь в густую темную воду. Мы сейчас на самом дне. Три двенадцатилетние девочки устроили пижамную вечеринку. Но их пятничная ночевка порвалась, как розовое бумажное сердечко. Похити-

тель Полли возник в дверном проеме спальни, угрожая перерезать им горло, если они закричат. Он положил подушки девочкам на головы и заставил считать до тысячи. На что была похожа эта тысяча? На вечность.

– На задней двери отпечатков пальцев нет, – продолжает рассказывать Уилл. – Он вошел там. Криминалисты нашли отпечаток в комнате Полли, но слишком смазанный, чтобы прогнать его по базам. Похоже, он пришел, заранее заготовив веревку из хирургической нити и капюшон из какой-то шелковой ткани.

Я тянусь к бокам древнего стула, гладким и твердым.

– С одним капюшоном?

– Верно. Девочки сказали, он растерялся, когда увидел, что их трое. Он спросил, которая из них живет здесь.

– Возможно, он увидел Полли в каком-то другом месте и запал на нее, не подумав или не беспокоясь, кто еще может оказаться в доме, когда он придет за ней. Дом, полный девчонок, не бывает тихим. Где были ее родители?

– Мама спала, а папа был у себя дома. Они разведены.

– Они, возможно, не смогли бы ее защитить, даже если б оба были там и бодрствовали. Когда некоторые хищники начинают действовать, они уже ни перед чем не останавливаются.

Глаза Уилла слегка стекленеют, и я знаю, почему. Последние десять дней, с тех пор как семья Кэмерон сообщила о ее исчезновении, он идет по минному полю. Но сейчас мин стало в два раза больше. Риск удвоился.

– Если это тот же парень, который похитил Кэмерон, – наконец произносит Уилл, – в смысле если он активно охотится, то нет шансов, что мы найдем ее живой, да? Что ты скажешь?

Тут нет простого ответа. Семьдесят пять процентов похищенных детей погибают в первые три часа. Однако Кэмерон не ребенок. Ей пятнадцать. Но есть и другое: за всю навозную кучу дел, которыми я занималась, жертва-подросток только однажды смогла сбежать от похитителя и вернуться домой – через два года после похищения.

Обычно даже найденное тело – уже победа. Люди способны на все, что вы можете вообразить. Однако в то же самое время, когда мозг полицейского говорит, что Кэмерон, вероятно, мертва, другой голос, голос чистого инстинкта и интуиции, говорит не сдаваться.

– Послушай, мы ничего не можем знать, пока не получим больше информации. Ты на связи с департаментом в Петалуме?

– С утра, первым делом. Детектив Эдди Ван Лир ведет дело от полиции Петалумы. – Уилл берет ближайший блокнот и перелистывает страницы. – Род Фрэзер – спецагент ФБР. Ты с ним когда-нибудь работала?

– Один раз, лет десять назад. Он надежный мужик. Совсем не похож на типичного фэб-ээровца. Ему не требуется доказывать, что он тут главный.

– Ну хоть кто-то там трудится всерьез... Фотографии Полли уже повсюду. Это дело разошлось на всю страну, а у меня ничего нет. Ван Лир говорит, у него уже шестьдесят человек.

– Ты же сама понимаешь, откуда там такая шумиха. Двенадцатилетнюю девочку в пятницу вечером выволокли из спальни под угрозой ножа. Самый страшный кошмар для родителей.

– Ладно, но Кэмерон Кёртис – мой кошмар уже неделю с лишним. Анна, я здесь тону. – В его голосе звенит напряжение. – У меня нет ни помощи, ни следов. Семья начинает сходить с ума. А что мне им сказать? Господи...

Это чересчур много для него одного. Это чересчур много для нас обоих, но я не собираюсь этого говорить. Ставлю кофе и касаюсь его руки, шершавой и холодной.

– Уилл, возможно, похититель Полли Клаас и наш преступник – один и тот же человек, но шансов на это мало. У серийных преступников очень специфичные поведение и предпочтения. Полли еще не достигла половой зрелости и выглядит младше своего возраста. У нее еще нет

грудей, она не пробуждает такое влечение. Кэмерон эмоционально юная, но она выглядит как женщина, не как ребенок.

– О'кей, я понял. Но иногда срabатывает просто благоприятная возможность, верно?

– Конечно. Возможно, Полли проходила мимо, когда его перемкнуло, и он решил кого-нибудь схватить. Но, Уилл, задумайся на минутку о его поведении. Этот парень в Петалуме вошел напрямик в дом с людьми, держа нож, и оставил свидетелей.

Уилл медленно кивает.

– А Кэмерон просто исчезла.

– Именно так, честно говоря, это обычно и случается, особенно с подростками. Если ты хочешь отыскать кого-то вроде Кэмерон, тебе приходится изучить жертву, чтобы найти ответы. Ты должен жить и дышать ею. Нырнуть в глубину. И тогда, возможно, возможно, она покажет тебе, где ее искать.

– Ты действительно хочешь прыгнуть во все это вместе со мной? – надежду в голосе Уилла можно пощупать рукой. Это потрепанный флаг, развевающийся в дыму.

– До тех пор, пока ты не выставляешь меня наружу. Мое имя никуда не попадает. Ни в заявления, ни в платежную ведомость. Я не разговариваю со СМИ и однозначно не разговариваю с ФБР. Я здесь только ради тебя и этих девушек. Это все.

– Устанавливай любые правила. Я просто рад, что ты здесь.

Я делаю вдох, ощущаю холодный металлический край стола. Ответственность уже сводит мне плечи.

– Я тоже.

Глава 15

Во вторник, 21 сентября, Кэмерон отправилась к своему лучшему другу, Грею Бенсону, чтобы позаниматься, а потом пешком пошла домой. Дома она была примерно в 18:15. Она и ее мать Эмили поужинали, потом Кэмерон ушла к себе в комнату. Сразу после десяти Эмили заглянула к Кэмерон. Они пожелали друг другу спокойной ночи, потом мать, как обычно, включила сигнализацию и отправилась спать, предполагая, что Кэмерон тоже уснет. Но на следующее утро, в семь, зайдя разбудить Кэмерон к завтраку, женщина обнаружила, что в комнате пусто, а сигнализация отключена. У нее не было времени задуматься, почему: то ли что-то сломалось, то ли она забыла ее включить. Пропала ее дочь.

В 7:09 она позвонила своему мужу, Трою Кёртису, который находился в Малибу. Разговор длился три минуты. Как только Эмили повесила трубку, она позвонила в 911. Офис Уилла откликнулся почти сразу. Еще не было восьми, а они уже расспрашивали Эмили и прочесывали комнату Кэмерон в поисках улик. Но ничего не нашли.

На воротах была установлена видеокамера. Записи хранились неделю. Вечером двадцать первого на записи не было ничего необычного. Эмили приехала домой около шести, а потом не происходило ничего вплоть до вызова 911 и приезда команды Уилла. Они обыскали комнату Кэмерон, проверили дом и прилегающую территорию, но не нашли никаких следов взлома. К тому же ничего не пропало. По словам Эмили Хейг, Кэмерон сэкономила свои карманные деньги и держала в комнате по меньшей мере несколько сотен долларов. Но они остались нетронутыми.

Вот и все, что у меня есть. Практически ничего. Простейшее объяснение – Кэмерон решила сбежать. Отключила сигнализацию и выскочила из дома в ночь через переднюю дверь и дальше, в лес, избегая главных ворот. Такое случается постоянно. Дети сбрасывают родительские дома, как змеиную шкуру, перебираясь к чему-то или кому-то, обещающему свободу. Одна версия этой свободы черна и необратима, вроде утеса в сотне ярдов от дома Кэмерон. Она могла спрыгнуть оттуда. Тело унесло течением или было растерзано акулами. Кэмерон сознательно стерла себя. Побег был продиктован внутренней болью, которую никто не видел и о которой не догадывался.

Если она была склонна к самоубийству или даже просто эмоционально разбита, ее удочерение может являться частью уравнения. Кэмерон вручили государству перед ее четвертым днем рождения, в исключительно нежном возрасте, хотя, по моему опыту, таков любой возраст ребенка. Какой бы ни была ее жизнь, прежде чем от нее отказались – и помнила ли она об этом или нет, – это время по-прежнему с ней. Я слишком хорошо это знаю. Оно внедрено в нервную систему, вплетено в ее главный чертеж. Там же останется и шоковая травма от замещения. За один день, в одну поездку на машине с социальным работником, ее старая семья стерта, выброшена, из ниоткуда появились новые родители, один из которых известен всюду. Эту часть я могу только представить, но это должно было сбивать с толку. Создавать новые трудности, когда она повзрослела и поняла, что ее мать – известная кинозвезда. Ненамного легче, чем одномоментная потеря семьи по чьему-то решению, принятому за нее, возможно, даже без попытки объяснить. Подписаны какие-то документы, и ее жизнь остановилась и запустилась заново. Девочку, которой она была, стерли вместе с данным при рождении именем и всем остальным. Братями и сестрами, домашними животными, соседями, игрушками и воспоминаниями. Целыми годами жизни.

Смотреть на ее досье – все равно что смотреть на версию моей собственной истории. Поэтому я знаю, что даже если Кэмерон повезло с Кёртисами, как мне повезло с Хэпом и Иден, вряд ли она свободна от призраков. Неважно, насколько у детей устойчивая психика, насколько они желанны, любимы и взлелеяны новыми родителями. Исходные раны от заброшенности и

отторжения не исцеляются по волшебству. Их не могут вылечить даже мужество и внутренняя сила, потому что родительские связи изначальны.

Матери и отцы должны быть рядом. Такова человеческая история, в каждой культуре, с начала времен. Моих рядом не было, родителей Кэмерон – тоже. Все шрамы, которые есть у меня, есть и у нее. Проблемы с доверием, привязанностями, проблемы идентичности, ощущение пустоты, изоляции, чуждости и отчаяния – трещины души, которые не зарастают. Я вижу их. Я живу с ними. Те, у кого внутри пустота, будут искать раз за разом, иногда всю жизнь, способы ее заполнить.

Глава 16

В то Рождество, когда мне было восемь, мама не вернулась. Конечно, мне было страшно. Я тревожилась, что она попала в какую-то беду и не смогла позвонить. Я старалась не задумываться, где и как она может застрять без чужой помощи, пока мы с ребятами кучковались в ее кровати, выдав Фредди его собственную подушку. В какой-то момент они наконец перестали спрашивать о Санте, и это казалось маленькой победой. Когда я легла, под одной рукой у меня оказались шелковистые волосы Эми, под другой – футболка Джейсона, и это почему-то помогло успокоиться.

На следующее утро я оставила ребят смотреть телевизор, а сама ограбила консервную банку с деньгами в кухне и сходилa в аптеку-закусочную за хлебом, молоком, яйцами и арахисовой пастой, поскольку продуктовые магазины были закрыты. На обратном пути столкнулась с Филлис и Бернардом, и она скривилась, будто знала правду.

– А где сегодня твоя мама?

– Спит.

– Опять?

– Ага. – Внезапно я возненавидела ее и ее пса. – Надеюсь, вы хорошо встретили Рождество. До свидания.

* * *

Встреча с Филлис выбила меня из колеи, но когда я вернулась домой и закрыла дверь, день пошел отлично. На самом деле это был один из самых приятных дней в моей жизни. Без подарков – зато была еда и столько телика, сколько захочется. Мы построили в гостиной форт из простыней и одеял и играли в нем весь день. Когда стемнело, выключили весь свет, кроме гирлянды на елке, улеглись на ковре и смотрели вверх сквозь густые ветки, как радужные лампочки вспыхивают и гаснут. Почти как во сне. Потом я отвела детей в ванную и убедилась, что они вымыли головы и прочитали молитвы. К тому времени, когда мы пошли спать, я начинала верить, что мы сможем жить так вечно, даже если мама никогда не вернется домой. Я знала, как заботиться о Джейсоне и Эми. Я могла с этим справиться. С нами все будет о'кей или даже лучше, чем о'кей. Мы будем счастливы.

Однако следующим утром я проснулась очень рано и не выспалась. Джейсон обмочился в кровати, и мы все промокли. Пришлось подложить полотенца, но потом я все время скатывалась на мокрое место и каждый раз просыпалась. Еще я продолжала тревожиться насчет Филлис и думала, не столкнемся ли мы с ней снова и не начнет ли она звонить по телефону, чтобы выяснить, где на самом деле моя мать. Я почти не сомневалась, что она мне не поверила.

Я встала, пошла на кухню и начала готовить завтрак, но каждые несколько минут поглядывала в окно. Дети сели смотреть мультики, выкрутив громкость побольше. Я тревожилась, отвлекалась и постоянно думала, что слышу, как кто-то идет по коридору к нашей квартире. В конце концов подошла к двери, выглянула наружу и посмотрела в обе стороны коридора. Именно тогда я учуяла запах горящих яиц. Я слишком сильно включила газ. Масло уже почернело и начало дымиться. Едва осознав, что происходит, я спихнула сковородку с огня. Она лягнула об пол, но пожарная сигнализация уже сработала, завопила и заморгала посреди кухонного потолка. Я не могла дотянуться до нее, даже со стула. Джейсон с Эми завопили, я кричала, чтобы они перестали, но от этого они только завывали громче. Я не могла думать. Я не знала, что делать. А потом кто-то начал стучать в дверь, и я поняла, что совершила ужасную ошибку. Нам нужно было есть только хлопья. Хлопья и арахисовую пасту.

Копы вломились в гостиную, массивные и широкие, пугая детей своей формой и пистолетами в кобурах, своим потоком вопросов. Когда я в последний раз видела маму? Что она сказала перед уходом? Она говорила, куда собирается в канун Рождества? Знаю ли я, как связаться с папой? Есть ли поблизости другие родственники? В основном мне даже не требовалось отвечать. Джейсон и Эми сидели рядом на диване, крепко прижавшись ко мне. Я продолжала твердить им, что все будет хорошо, но уже знала – все хорошее осталось в прошлом.

* * *

...Кёртисы живут к северу от города, на уединенном отрезке Лэнсинг-стрит, высоко над Мясницкой ложиной. Когда мы подъезжаем в патрульной машине Уилла к воротам, он нажимает кнопку, и кто-то впускает нас.

– Это точно выглядит как жилище кинозвезды, – говорю я, пока «дворники» дергаются, сбрасывая тонкую пленку дождя.

– Она больше не кинозвезда. Перестала сниматься, когда они переехали сюда. Это было четыре года назад.

– Какая она?

– В смысле *до всего этого*? Даже не знаю. Их семья живет обособленно. Муж летает на работу на частном самолете. Все продукты им доставляют. Удивительно, что Кэмерон позволили ходить в обычную школу, а не наняли учителя или что-нибудь такое. Должно быть, это их единственная уступка. Замах на реальную жизнь.

Пока мы паркуемся и вылезаем, широкая дверь открывается и появляется Трой Кёртис. Моложавый и симпатичный, в полинявших джинсах и кофте. Мы торопливо заходим в дом – он придерживает для нас дверь, и я вижу, что он старше, чем казалось. Ему, наверное, под пятьдесят. У него морщинки у глаз и рта.

Мы с Уиллом в прихожей, где каждый предмет безупречен и выстроен с почти хирургической аккуратностью. Скрытое освещение и датская мебель. Все белое. Пол, на который с нас капает вода, бледный и глянцевый.

– Сейчас принесу полотенца, – говорит Трой и исчезает.

Когда он возвращается, я смущенно вытираюсь, пока Уилл представляет меня как следователя, консультирующего по делу Кэмерон. Как мы и договорились.

– Есть какие-то новости насчет той похищенной девочки в Петалуме? – спрашивает Трой. – Здесь есть какая-то связь с Кэмерон?

– Пока что мы ничего не знаем, – отвечает Уилл. – Но мы работаем в плотной связке с той группой. Как только у нас будут новости, мы ими поделимся.

Трой устало кивает, проводит нас в гостиную и указывает на гладкие кресла без подлокотников. Я все еще держу полотенце и подкладываю его под зад, чувствуя себя не в своей тарелке. Но так не пойдет.

– Мистер Кёртис, ваша жена дома?

– Эмили только что прилегла. Последние дни сильно на ней сказались.

– Конечно. Это ужасное время для вас обоих, но я несколько отстала в этом расследовании. – Бросаю взгляд на Уилла. Хочу убедиться, что не перехожу границы. Но он откидывается на спинку кресла. «Я ненавижу быть первым». Вот о чем говорит мне его поза. Это *мне* нужно наверстывать. – Вы можете вкратце изложить для меня события той ночи, когда исчезла Кэмерон?

Трой выглядит измотанным, но соглашается.

– Хотел бы я быть здесь, но я работаю в Лос-Анджелесе и всю ту неделю провел в нашем доме в Малибу.

– Как здесь обычно проходят будние вечера?

– Ужин, домашние дела... Ничего особенного. Я разговаривал с Эмили чуть раньше десяти. Кэмерон находилась в своей комнате. Все было отлично.

– А следующее утро? Что случилось тогда?

– Когда Кэмерон не вышла к завтраку, Эмили заглянула к ней и позвонила мне. Я сказал ей связаться с полицией, потом вылетел сюда.

– Ваша дочь в последнее время выглядела расстроенной?

Трой мотает головой.

– Кэмерон всегда тихая. Она интроверт, больше похожа на Эмили, чем на меня. Но я бы не сказал, что она была расстроена.

– Насколько я понимаю, у нее хорошие оценки и она любит читать. Не особенно популярна, никаких спортивных достижений. Вам никогда не казалось, что в ее застенчивости или отстраненности кроется что-то еще?

– Что вы имеете в виду?

Я смотрю в его дымчато-серые глаза.

– Некоторые дети уходят в себя, но на самом деле они втайне выражают свои эмоции. Повреждают себя или принимают наркотики. Вступают в рискованные сексуальные связи.

– Нет. – Он морщится. Едва заметно, но я замечаю. – Ничего подобного. Она хорошая девочка.

– Мистер Кёртис, я не предполагаю, что ваша дочь плохой человек или что она делает нечто плохое.

– Подростков бывает трудно понять, – подключается Уилл.

– Иногда им нелегко, но никто об этом не знает, – добавляю я. – Они хорошо прячут свои чувства.

– Я бываю рядом с ней меньше, чем привык, – говорит Трой, – но Эмили наверняка бы заметила, если б что-то было неладно.

Я меняю курс:

– Расскажите мне немного об удочерении.

– Мы пользовались услугами агентства в Сакраменто. «Католический семейный приют». Я полагаю, они до сих пор существуют.

Я записываю название в блокноте, который прихватила с собой.

– Удочерение было открытым или анонимным?

– Анонимным. А почему вы спрашиваете?

– Просто думаю вслух. Дело не всегда в этом, но некоторые дети не могут справиться с болью от отказа. От того, что их бросила первая семья. Такая боль ведет к определенным типам поведения и рискам.

– Я уже сказал: ничего подобного.

– Агентство сообщило вам хоть что-нибудь о семье, в которой она родилась?

– Очень мало. Мы знали, что там был еще один ребенок, чуть старше. И что там были аресты и наркотики.

– Вас это не напугало?

– Думаю, немного. У Эмили были очень четкие представления о добре, о помощи там, где она нужнее всего. – Он прищуривается и внезапно переходит к обороне. – Вы имеете в виду, что мы поступили неправильно?

– Ничуть. Я просто прикидываю направления для дальнейшей работы. Скажите, были ли в жизни Кэмерон какие-то старшие мужчины, которые могли выказывать к ней особый интерес? Например, друг семьи или учитель?

– Прямо сейчас в голову никто не приходит...

– Стив Гонзалес, – произносит Эмили с подножья консольной лестницы. Она подошла к нам совершенно беззвучно. – Ее учитель английского.

Глава 17

Одно дело видеть Эмили Хейг в роли Хейди Бэрроуз в комедийном сериале «Девушки из Сохо» – ее шутки, одежду и прическу, известные всему миру. И совсем другое – сидеть с ней в ее гостиной посреди слишком реальной трагедии. Она красивее, чем может передать любая камера, и печальная такой хорошо знакомой мне печалью. На несколько мгновений я задумываюсь, смогу ли это выдержать, но моя цель преодолевает замешательство.

Я встаю.

– Меня зовут Анна Харт. Я – новый агент, работающий по делу Кэмерон. Надеюсь, мы вас не разбудили.

– Ничего страшного. – Эмили направляется к дивану. Она выглядит одновременно собранной и хрупкой, будто оберегает физическую рану, а не эмоциональную. – Ту девочку из Петалумы уже нашли?

– Боюсь, что нет, – отвечает Уилл. – Как только у нас будут новости, мы с вами поделимся.

– Я знаю, как вам должно быть тяжело, – говорю я. – Не могли бы вы немного рассказать мне о Кэмерон?

– Что вы хотите знать?

– Все, что угодно. У вас хорошие отношения? Она с вами разговаривает?

– Об этом меня еще никто не спрашивал... – Женщина обхватывает себя руками, будто ей холодно. – Думаю, да. Я пыталась дать ей знать, что она может всегда прийти ко мне. Но вы понимаете, матери и дочери...

– Конечно, – по-доброму говорит Уилл. – Но – помимо обычных трений? В последнее время с ней что-нибудь происходило? Ее поведение как-то менялось? Какие-то новые факторы стресса?

– Мы это уже обсуждали. – Трой обхватил руками колени и плотно сплел пальцы.

– Я знаю. Но нам нужно быстро ввести детектива Харт в курс дела. Чем больше вы будете с нами сотрудничать, тем лучше мы сможем помочь Кэмерон.

– Помочь ей? – взрывается Трой. – Мы просто болтаем об одном и том же. Может, вы наконец выйдете отсюда и начнете ее искать?

– Трой, – произносит Эмили, пытаясь придержать его.

– Что? – его лицо багровеет. Внезапно в нем не остается ничего симпатичного или сдержанного. Он – загнанное в угол и отбивающееся животное.

– Я уверяю вас, что мы действуем, – вмешивается Уилл. – Все люди моего департамента работают по этому делу с первого дня. Мы надеемся в ближайшее время получить свежую группу от Лесной службы. Для нас важнее всего найти вашу дочь.

– Все мы хотим одного, – добавляю я, стараясь пересилить свои чувства. Мне и так слишком близко это дело, а тут еще реакция Троя. Я не уверена, что доверяю ему, да и себе, если на то пошло. – Сейчас нам нужно сосредоточиться на Кэмерон. Кто она, что ее заботит, как выглядят ее дни, кого она видит после школы... У нее есть бойфренд?

– Нет, – быстро отвечает Эмили. – Ни одного.

Это меня удивляет.

– У такой красивой девушки? Она не интересуется мальчиками? Или мужчинами?

– Мужчи́нами? – Эмили выглядит расстроенной. – По крайней мере, я об этом не знаю. Она этим со мной не делилась. – Она бросает взгляд на Троя. – С нами.

– А что учитель, которого вы упоминали? – нажимает Уилл. – Вы с ним знакомы? Когда-нибудь видели их вместе?

– Учебный год только начался, но я видела его на вечере открытых дверей. Не думаю, что он вел себя как-то неуместно, но он определенно интересовался Кэмерон. Он сказал ей, что она одаренный писатель и поощрял ее занятия поэзией.

– Мы это отработаем, – говорю я. – А что насчет Грея Бенсона? Какая-то романтическая привязанность, о которой мы должны знать?

– Они просто хорошие друзья. Он – человек, на которого Кэмерон всегда может положиться.

– Положиться? В чем?

– В обычных делах, наверное. – Эмили не смотрит на мужа, крепится, делает вдох. – У нас есть некоторые проблемы.

В семье.

– Это наше дело, – вспыхивает Трой.

– Мистер Кёртис, – останавливаю его я, удерживая нейтральный тон. – Если Кэмерон находилась дома в состоянии стресса, нам нужно об этом знать. Нельзя умалчивать о вещах, которые могут помочь в расследовании.

– Трой, пожалуйста... Мы должны быть честными. Все это влияло на Кэмерон. Ты сам знаешь.

По напряженному голосу Эмили я понимаю, насколько ей тяжело раскрыться и показать другим свою слабость. Но это справедливо для большинства людей в подобной ситуации. Я редко сталкивалась с семьями, которые могли вынести пристальное внимание полицейского расследования и не сорваться.

– В последнее время мы много спорили.

– Все спорят, – машинально встречает Трой. – Брак – не прогулка по парку.

– Кэмерон всегда была чувствительной, – продолжает Эмили. – Я думаю, она тревожилась, что мы разойдемся.

– Понятно. Вы пытались ее разубедить?

– Я пыталась. Возможно, недостаточно.

Мы с Уиллом переглядываемся. Мы только начинаем понимать динамику этой семьи, но уже ясно, что Кэмерон находилась в эмоциональном напряжении. В таком состоянии она могла опереться на кого-нибудь нового или знакомого, на человека, который, по ее мнению, был в силах помочь. Эта потребность усиливала ее уязвимость. Обрисовывала ее как цель. Заставляла сиять в темноте.

– Эмили, – говорю я, – шериф Флад упоминал, что когда-то против вашего брата выдвигалось обвинение. Был ли у него в последнее время доступ к Кэмерон?

Она бледнеет.

– Что значит «был доступ»?

– Он по-прежнему часть вашей жизни? Вы регулярно видите его?

– Не так часто, как раньше. Он с женой, Лидией, живет теперь в Напе. Они купили виноградник и делают собственное вино.

– Так он ушел с работы?

– Он хорошо ведет свое дело. – Она говорит скованно, настороженно. Но я слышу что-то еще. Вина выжившего? Какая-то форма невидимого союза?

– А почему прекратились визиты? – спрашивает Уилл.

– Наверное, просто жизнь. Мы здесь заняты.

«Занята сильнее, чем когда ты работала?» – думаю я. Потом спрашиваю:

– У них с Лидией есть дети?

– Мой племянник Эштон учится в закрытой школе на востоке. В Эндове.

Она делает паузу, лицо мрачнеет.

– А к чему все эти вопросы? Вы же не думаете, что Дрю может причинить вред Кэмерон?

– Я бы хотела посмотреть комнату Кэмерон. – Я закрываю блокнот. – Эмили, вы меня не проводите?

Глава 18

Уилл остается с Троем в гостиной, а Эмили ведет меня по длинному сверкающему коридору с квадратными окнами через равные промежутки. На каждом широком подоконнике стоит безупречное деревце-бонсай в терракотовом горшке, произведение искусства, похожее на бледно-зеленую скульптуру. Они выглядят ненастоящими.

– У вас есть садовник? Домохозяйка?

– Раз в неделю приезжают уборщики. Все остальное делаю я.

– Впечатляет.

– Правда? Большинство женщин обходится без помощи.

«Большинство женщин – не Эмили Хейг», – думаю я.

В конце коридора закрытая дверь. Эмили мешкает, и я вхожу первой, чувствуя ее напряжение. Здесь уже побывали десятки людей. Они переворачивали все вверх дном, снимали отпечатки пальцев. Рылись в одежде, книгах и фотоальбомах, открывали каждый ящик. Это вторжение необходимо, но за ним тяжело наблюдать, особенно если Эмили в чем-то винит себя. Возможно, не один год, если мои инстинкты не врут.

Большая кровать Кэмерон аккуратно убрана. Простое кремовое одеяло и наволочка, синяя бархатная подушечка в форме кролика. Интересно, Кэмерон относится к тому типу девушек, у которых всегда все прибрано, или это Эмили, не в силах сдержаться, зашла сюда после ухода криминалистов и сложила вещи?

– В тот вечер в доме были только вы и Кэмерон? Как вам показалось, с ней все было о'кей?

– В основном. У нее еще не выстроился режим. Десятый класс... Настроение менялось чаще обычного. Она немного волновалась, я думаю.

– Она что-нибудь об этом говорила?

– Я старалась не выпытывать. Я читала все эти книги по психологии. Подросткам нужно свое пространство. Это была ошибка?

– Подростки всегда головолетка.

Я подхожу к книжному шкафу, бережно касаюсь корешков. «Маленькие женщины». «Излом времени». «Тесс из рода д'Эрбервиллей». «Над пропастью во ржи». Волшебные сказки и фэнтези, графические новеллы и поэзия. Рильке, Т. С. Элиот, Энн Секстон. Это книжные полки расцветающего читателя.

– А где работа, которую вы упоминали? Та, которую хвалил ее учитель?

– Не знаю. Кэмерон всегда была очень скрытной, даже в детстве.

– Она раскладывала свои чувства на бумаге. Она рисует?

– Да. Сейчас меньше, чем раньше. А откуда вы знаете?

– Просто догадка. Если нам удастся найти какие-нибудь недавние записи, мы можем получить намеки на то, что происходило с вашей дочерью. – Я провожу рукой под шкафом, но ничего не нахожу, даже пыли. Открываю ящик стола, потом прощупываю углы матраса.

– Может, она держала это в школьном шкафчике?

– Возможно. Люди шерифа Флада наверняка собрали все вещи, но я предпочитаю проверить еще раз. На случай если мы что-то пропустили.

Я иду к платяному шкафу Кэмерон. В глубину сдвинуты штук пять платьев. В основном в шкафу футболки и джинсы, худи и фланелевые рубашки. Ей нравится черное, серое и красное, кеды «Конверс» и свитера реглан. Стиль пацанки. Я касаюсь подола красной клетчатой рубашки, поношенной и явно любимой. Очень личное – стоять и разглядывать ее вещи. Мне хочется извиниться.

Эмили подходит ко мне и берет в руки один из свитеров Кэмерон, будто при должном тепле и внимании она сможет оживить его.

– Я пытаюсь готовиться к худшему, но не справляюсь. Если кто-то причинил ей вред или... – Она глотает воздух. – Вы не думаете, что это может быть кто-то из моих поклонников? Если это моя вина, я просто не знаю, смогу ли с этим жить.

– Не стоит об этом думать. Если б кто-то хотел привлечь ваше внимание, скорее всего вы получили бы требование о выкупе или какое-то другое послание.

– Звучит разумно, – произносит Эмили немного бодрее.

– Мы еще очень многого не знаем. Давайте попробуем делать по одному шагу зараз.

– Мне все время кажется, что я проснусь. Что она войдет в дверь, и я пойму, что это был просто страшный сон.

– Знаю, – тихо отвечаю я.

– То, что вы говорили раньше. О проблемах брошенного ребенка. Я никогда не думала об этом применительно к нам с Троем. А может, и думала, просто выталкивала эти мысли.

Я кивком подбадриваю ее.

– Мне нужно было больше открываться перед Кэмерон, больше говорить с ней. Когда я была в ее возрасте, у моего отца была интрижка с какой-то женщиной из нашего загородного клуба в Боулинг-Грин. В Северном Огайо. Я там выросла. – Она качает головой. – Все знали, что он обманывает жену. Это было ужасно.

– Но ваши родители не развелись.

– Моя мать уехала в клинику для похудения. Когда она вернулась, мы все притворялись, что ничего не случилось. Шесть месяцев фермерского сыра и персиков. Отец подарил ей теннисный²¹ браслет с сапфирами, но тот сполз у нее с руки. Она потеряла тридцать фунтов²².

– И тогда вы сбежали в Голливуд. Сколько вам было?

– Девятнадцать.

– Но вы так и не простили отца. – Я снова гадаю, но уверена в своей правоте. – А что ваш брат? Он испытывал те же чувства?

Эмили выпускает рукав свитера Кэмерон и начинает застегивать черепаховую пуговицу, немного хмурясь.

– Дрю заботится только о Дрю. Он не оглядывается. Мы никогда не говорим о тех временах.

– Понятно, – говорю я, представляя себе остальное. – Уехав из Лос-Анджелеса, вы полностью перестали сниматься. Так и планировалось?

Эмили безжизненно кивает.

– Работа занимала слишком много времени и внимания, нас всюду преследовали папарацци, в ресторанах и на семейных выездах. Никакого уважения к частной жизни. Я рассчитывала, что у Кэмерон будет нормальная жизнь и я наконец-то смогу посвящать ей больше времени. – Я вижу на ее лице уныние, она борется с жестокой иронией ситуации, виной и угрызениями совести. – Неужели Кэмерон просила помощи, а я просто этого не замечала?

В ее взгляде ужасная боль. Мне хочется утешить ее. И заодно встряхнуть. У нас есть дело.

– Эмили, любые «что, если» загонят вас в глубокую темную дыру. Вам нужно быть сильной ради Кэмерон. Вы мне можете?

– Я постараюсь.

– У вашего мужа есть связь на стороне? Именно поэтому вы ссорились?

Ее лицо – неподвижное и зависшее, как ледник, но я ощущаю страх, исходящий от нее жесткими, твердыми волнами. Внутри она сражается с собой за то, сколько можно мне рассказать. – Его ассистентка в «Парамаунте». И она не первая.

– Сочувствую. Но мне нужно ее имя.

²¹ Теннисный браслет – простой гибкий браслет с некрупными камнями, обычно бриллиантами.

²² Ок. 14 кг.

- Зачем? Вы же не думаете, что она имеет какое-то отношение...
- Сейчас нам нужно проследить все ниточки.
- Дело в том... У Троя нелегкое время.
- Эмили.
- Да?
- Хватит об этом. Хватит придумывать ему оправдания.
- Простите. Я даже не подозревала, что занимаюсь этим.
- Я понимаю.

На столе Кэмерон лежит красная тетрадь на пружине, вся обложка разукрашена звездочками. Эмили открывает ее и вырывает чистый лист. Она пишет фамилию, складывает лист вдвое и протягивает мне.

– Возможно, мы узнаем неприятные вещи. Даже гадкие. Но я считаю, что лучше самая неприглядная правда, чем незнание.

Она выглядит уязвимой, полной сомнений.

– Надеюсь, вы правы.

Засовываю листок в блокнот и подхожу к большому прямоугольному окну в половину длины северной стены. Слева – подъездная дорожка и ворота. Справа – газон, втекающий в густой лес. Жалюзи из серовато-бежевой бумаги собраны в подъемную систему. Когда я легонько толкаю болтающиеся сбоку шнуры, мой взгляд что-то выхватывает. На нижней части сетки видны маленькие царапинки. Их легко пропустить, если высматриваешь что-то другое.

– Кэмерон когда-нибудь выбиралась из дома этим путем?

– Не думаю. – Эмили подходит и смотрит. Напряжение туманит ее красивое лицо. – Зачем ей это?

Когда я нажимаю большим пальцем на раму сетки, она тут же поддается. Эту сетку открывали часто.

– Что за этим лесом?

– Дорога. До нее, наверное, полмили.

– Когда люди шерифа прочесывали территорию, они привезли собак?

– Да. А в чем дело? Вы сбили меня с толку. Вы пытаетесь сказать, что Кэмерон просто сбежала?

– Не уверена, но это многое объяснило бы.

– Но куда ей идти? И зачем?

Я не отвечаю сразу. Жду, когда придут верные слова. Конечно, Эмили растерялась. Она не замечала боли своей дочери и, кажется, не понимает собственную боль. Она выросла, презирая собственного отца, но вышла замуж за его копию. Она жалела мать, но сама стала ею. Стоил ли чего-то в конечном счете ее побег в Голливуд? Да, она стала звездой, играя персонажа, которого обожали и с которым идентифицировали себя миллионы людей. Но не гонялась ли она на самом деле за иллюзорной свободой от того, что оставила в прошлом?

За годы работы детективом – и особенно в «Прожекторе» – я много узнала о витках насилия в семьях. Но витки молчания могут быть не менее опасны. Они повторяются из поколения в поколение с пугающим постоянством. Диета матери превращается в заикленность дочери на контроле деревьев-бонсай. Тайная, но явная неверность превращается в молчаливое согласие, а потом – в опустошенность. И все это вываливалось на Кэмерон. Пусть и с серебряной ложки, но Эмили кормила ее бессилием.

– Я не думаю, что вашу дочь похитили. – Резкие слова, но сейчас нет времени для чего-то иного.

– Нет, – произносит Эмили так тихо, что могла бы сказать «да». Эти два слова никогда не разлучаются надолго.

– Если Кэмерон сейчас кто-то держит, я думаю, она с ним знакома. Я думаю, она ушла по собственной воле.

Глава 19

– Ты как? – спрашивает Уилл, когда мы садимся в патрульную машину. Я протягиваю ему сложенный листок бумаги.

– Подружка Троя Кёртиса.

– Полагаю, я не удивлен.

– Я тоже, но хотелось бы лучшего. Для всех них.

Через несколько секунд мы проезжаем ворота, и глаз камеры бесшумно разворачивается, чтобы проследить за нами. Я думаю о Кэмерон в ее комнате, планирующей увернуться от этого глаза. О девушке с тайной внутри, цепляющейся за надежду, никому не высказанную, нигде не записанную.

– Что ты думаешь о Дрю Хейге? – спрашиваю я. – Расскажи мне о нем.

– Ему было девятнадцать, когда его обвинили в изнасиловании. Второй год колледжа. Заявил, что это было недоразумение и что девушка была пьяна. Не знаю как, но его родители спустили дело на тормозах. Не сомневаюсь, им это дорого обошлось.

– А сколько было девушке?

– Шестнадцать.

– И они замяли дело?.. Давай-ка поговорим с ним на этой неделе. Напа в это время года очень хорош.

Уилл улыбается.

– Согласен.

– Не знаю, причастен ли Дрю, но Кэмерон как-то в этом замешана. В таких случаях не бывает черного и белого. Иногда жертвы разыскивают насильников с той же интенсивностью, с которой насильники преследуют их.

– О чем ты говоришь?

Я ныряю в омут и рассказываю ему об окне в комнате Кэмерон. О том, что, возможно, хищник – кем бы он ни был – готовил ее, манипулировал ею. Что он мог играть на ее уязвимости.

– Самое липкое насилие, Уилл, часто бывает поразительно интимным. Они выстраивают отношения, доверие. Они выжидают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.